

СОДЕРЖАНИЕ:

О правах переводчиков. — Хроника. — По провинции. — Письма въ редакцію. — Саратовскія письма. *К. Сараянова.* — О принципахъ новаго театра. *Михаила.* — Маленькая хроника. — Андреа Никколи (изъ заграничныхъ впечатлѣній). *А. Долимова.* — По театрамъ. *Пото Новис.* — Изъ Москвы. *Н. Эфросса.* — Новыя изданія „Театра и Искусства“. — Провинціальная лѣтопись. — Объявленія.

Рисунки и портреты: † Д. А. Бѣльскій, М. Я. Биренсъ. Труппа Пензенскаго народнаго театра, „Мѣсяць въ деревнѣ“ (2 р.), „Казенная квартира“ (5 рис.).

С.-Петербургъ, 7-го сентября 1908 года.

Нѣсколько времени назадъ мы писали о томъ, что пора, наконецъ, драматическимъ авторамъ, членамъ Союза драм. писателей, выступить со своимъ словомъ по поводу проекта авторской собственности и все болѣе и болѣе настойчивыхъ слуховъ о заключеніи Россіею конвенціи относительно охраны литературной собственности. Наша точка зрѣнія на этотъ вопросъ извѣстна: мы считаемъ всякое дальнѣйшее расширение авторской собственности шагомъ назадъ, а не впередъ, какъ считали бы регрессомъ новыя стѣсненія, на примѣръ, пользованія водой, дорогами, свѣтомъ и т. п. необходимыми и цѣнными для всѣхъ предметами первѣйшей необходимости. Въ частности, свободное право перевода мы считаемъ необходимымъ для нашей бѣдной просвѣщеніемъ страны, и не только не видимъ добра въ закрѣпленіи права перевода для литературы и въ особенности, театра, но большое для нихъ зло.

Можетъ быть, мы правы; можетъ быть, неправы. Но во всякомъ случаѣ, разъ существуютъ двѣ точки зрѣнія на вопросъ, и при томъ вопросъ, столь существенно, жизненно важный для огромнаго большинства членовъ нашихъ обществъ, защищающихъ авторскія права драматурговъ-переводчиковъ, то представляется совершенно непонятнымъ молчаніе какъ московскаго общества, такъ и петербургскаго Союза по этому вопросу. Вѣдь это не академическая тема разсужденія: въ ближайшую сессію это будетъ обсуждаться въ Госуд. Думѣ, и послѣдняя лишена будетъ даже возможности знать, какой взглядъ преобладаетъ среди самихъ заинтересованныхъ лицъ?

Но этого мало. Черезъ мѣсяць въ Берлинѣ открывается международная конференція для пересмотра такъ называемой бернской конференціи защиты авторскихъ правъ. Россія, какъ не подписавшая, къ великому нашему счастью, этого акта, будетъ однако также представлена на конференціи, и можно думать, что именно на конференціи будутъ приняты нашимъ правительствомъ рѣшенія, которыя нельзя будетъ впоследствии измѣнить.

Что же, все еще молчатъ драматургамъ?

Мы обращаемся вторично къ правленію Союза драм. писателей, какъ учрежденія живого и дѣятельнаго, объединяющаго большую часть русскихъ переводчиковъ, и ставимъ вопросъ: возможно ли обойтись безъ яснаго и категорическаго рѣшенія его самими драматургами-переводчиками?

Въ „Нов. Вр.“, на примѣръ, на-дняхъ появилась, по обыкновенію, лихая статейка, гдѣ по поводу предстоящей бернской конференціи, лихо заявляется, что вопросъ о томъ, „выиграетъ или проиграетъ переводческій пролетаріатъ литературныхъ дамъ“ совершенно неинтересенъ, и что, вообще, „дѣло намъ представляется гораздо проще“.

Конечно, лихимъ международникамъ „Нов. Вр.“ —

это все равно. Но все ли равно это „литературному пролетаріату“? Онъ-то вѣдь, полагаемъ, кровно заинтересованъ! Его-то голосъ, смѣемъ думать, надо же выслушать!

Въ небольшой замѣткѣ мы не станемъ разсматривать по существу это „дѣло“, которое намъ отнюдь не представляется „простымъ“, но въ высшей степени сложнымъ и скрывающимъ опасности не только для „литературнаго пролетаріата“, не только для театра, не только для судьбы нашего просвѣщенія, но и — какъ это ни неожиданно на первый взглядъ — для самаго Союза др. писателей. Мы думаемъ, что въ томъ чрезвычайномъ общемъ собраніи членовъ Союза, которое необходимо созвать, вопросъ выяснится всесторонне. Здѣсь мы только напоминаемъ о необходимости созвать собраніе членовъ Союза для выслушанія ихъ мнѣнія и для представленія такового правительству. Это должно быть сдѣлано немедленно, а то какъ бы не вышло, согласно народной пѣсенкѣ: „безъ меня — меня женили, я на мельницѣ гулялъ“?..

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— Вернулось изъ поѣздки оперное товарищество, во главѣ котораго стоялъ А. А. Тонни. Дѣла были блестящія. Заработано на марку болѣе 2-хъ р.

— Въ репертуаръ театра Литер.-Худ. Общества включена оригинальная пьеса Л. Урванцова „Фрейлина“.

— Первое представленіе „Казенной квартиры“ не было закончено полностью, вслѣдствіе внезапной болѣзни (сердечный припадокъ) г. Шмидгофа.

— 3-го сентября закрылся „Лѣтній Буфф“.

— По слухамъ „Новый лѣтній театр“ снятъ на будущій лѣтній сезонъ московскимъ антрепренеромъ С. И. Зиминимъ изъ 25% валового сбора. Такимъ образомъ, будущимъ лѣтомъ будетъ у насъ двѣ хорошія оперы — С. И. Зимина на Бассейной и г. Максакова въ Новой деревнѣ.

— М. Д. Агренева-Славянская рѣшила продолжать дѣло ея покойнаго отца и предпринимаетъ турнѣ по всей Россіи. Сборы съ концертовъ пойдутъ въ фондъ на сооруженіе монумента покойному.

— О. З. Сусловъ со своей труппой на зимній сезонъ основалъ въ Петербургѣ. Въ Екатерининскомъ театрѣ будутъ имъ ставиться украинскіе спектакли и русская оперетка.

— „Невскій фарсъ“ В. А. Казанскаго открывается 9 сентября.

— 31-го августа закрылся лѣтній театръ П. Кабанова и Яковлева. Кое-кому недоплачено — выданы векселя. Носятся слухи объ учрежденіи торговой администраціи.

— Гатчинское Общественное собраніе снято Ф. Ф. Кириковымъ. Антреприза, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ драма, по средамъ оперные спектакли товарищества Народнаго дома. Открытіе 21-го сентября пьесой „Гроза“.

— Въ петербургскую труппу М. Т. Строева вступилъ Е. А. Марковъ, какъ актеръ и завѣдывающій художественной сторой дѣла.

— Товарищество украинскихъ артистовъ, подъ управленіемъ Т. Колесниченко, на зимній сезонъ преобразовалось въ антрепризу — того-же г. Колесниченко. Съ половины сентября по Рождество — Харьковъ, Малый театр. Въ еоставѣ труппы — извѣстная артистка г-жа Затыркевичъ-Карпинская.

— Графъ А. Д. Шереметевъ пожертвовалъ на стипендіи имени Римскаго-Корсакова въ спб. консерваторіи 20,000 рублей. Правленіе консерваторіи предполагаетъ на эти деньги открыть 6 стипендій.

— Комитетомъ общества драматическихъ писателей только что разосланъ измѣненный уставъ и введено новое правило въ видѣ опыта на три города — Кіевъ, Одессу и Харьковъ, предоставляющее драматургамъ право входить, помимо обычнаго вознагражденія, въ особыя условія съ антрепренерами этихъ театровъ и выговаривать за новыя пьесы, какъ и въ столицахъ, процентное вознагражденіе со сборовъ.

— Квѣдра по теоріи композиціи и свободному сочиненію въ с.-петербургской консерваторіи послѣ умершаго Н. А. Рим-

скаго-Корсакова пока остается свободной. Носятся слухи, будто эту каведру займет композиторъ Ребиковъ.

— Пьесы В. А. Тихонова—„Сполохи“, „Козырь“ и „Великая тайна“ переведены на нѣмецкій языкъ и предполагаются къ постановкѣ въ Берлинѣ.

— Въ Петербургѣ пробывъ нѣсколько дней кн. А. И. Сумбатовъ-Южинъ, по поводу постановки своей новой пьесы. Она названа „Вожди“, но авторъ предполагаетъ измѣнить названіе.

— Зала при Театральномъ клубѣ будетъ готова въ концѣ октября. Избрана особая коммисія по вопросу о томъ, какого рода вечера устраивать въ новой залѣ. Въ коммисіи состоятъ В. О. Трахтенбергъ, Ю. М. Юрьевъ и И. И. Судьбининъ.

— Новая пьеса А. И. Фингерта—„Обманутые“—одобрена литер.-театральнымъ комитетомъ и намѣчена къ постановкѣ.

* * *

Московскія вѣсти.

— 31-го августа состоялось освященіе и открытіе первой въ Россіи частной хореографической школы, учрежденной Л. Р. Нелидовой и А. I. Собошанской (первыми артистками здѣшняго Императорскаго балета).

— Спектакли труппы В. Ф. Коммисаржевской открылись „Норой“. Вторымъ шла „Сестра Беатриса“. Спектакли не собираютъ публики. „Русск. Сл.“ констатируетъ фактъ, что „вообще В. Ф. Коммисаржевской публика пока мало удѣляетъ вниманія“. Органъ Гучкова—„Голосъ Москвы“—напротивъ очень доволенъ.

— Малый театръ открылся „Горемъ отъ ума“. 1-го сентября прошла „Франческо-да-Рамини“. Успѣха пьеса не имѣла. Въ театрѣ было скучно. Спектакль тянулся четыре съ четвертью часа. Многие ушли послѣ второго дѣйствія.

— Намъ пишутъ: съ зимняго сезона 1909 г. въ Москвѣ возникаетъ большое товарищеское дѣло. Инициаторами явились артистъ П. Л. Скуратовъ и присяжный повѣренный Н. С. Леонардъ. Послѣдніе заручились согласіемъ многихъ извѣстныхъ авторовъ на постановку ихъ пьесъ. Труппа сформирована въ 40 человекъ и въ настоящій зимній сезонъ будетъ играть въ Саратовѣ, въ Очинскомъ театрѣ, гдѣ и будетъ готовить пьесы для Москвы.

* * *

Привѣтствія Л. Н. Толстому: Художественный театръ послалъ Л. Н. Толстому телеграмму слѣдующаго содержания: „Художественный театръ кланяется вамъ сегодня, великій учитель, въ глубокомъ сознаніи, что всѣ художественные пути нашего времени ведутъ къ вашему имени, какъ всѣ дороги когда-то вели къ Риму. Какъ бы страшно ни бросались мы въ сторону отъ большой дороги, какъ бы на первый взглядъ ни измѣняли вѣрному направленію, всегда мы только ищемъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, кратчайшихъ или красивѣйшихъ путей къ тому, что составляетъ сердце и умъ русскаго искусства и что воплотилось въ вашей гигантской личности. И въ сценическомъ творчествѣ, какъ въ литературномъ, послѣдніе предѣлы мы видимъ въ искреннѣйшихъ признаніяхъ совѣсти, въ трудолюбивомъ исканіи правды жизни, въ сильной вѣрной духу и характеру выразительности. Этотъ завѣтъ міръ получилъ отъ васъ, и за него нашъ театръ шлетъ вамъ благодарность изъ тѣхъ чистѣйшихъ источниковъ души, откуда исходитъ только любовь и молитва. Немировичъ-Данченко, Станиславскій“.

Изъ московскихъ театровъ, кромѣ Художественнаго, привѣтственную телеграмму Л. Н. Толстому послала еще труппа театра Корша.

Труппа, играющая въ Нар. домѣ гр. Паниной, послала, въ день юбилейнаго спектакля, слѣд. телеграмму: „Объединенные еще звучащими въ нашихъ сердцахъ рѣчами безсмертныхъ образовъ „Власти тьмы“, вызванныхъ къ жизни на сценѣ Народнаго дома гр. Паниной ради свѣтлаго нашего праздника вашего рожденія, мы, вѣруя вмѣстѣ съ вами въ побѣду свѣта надъ тьмой, шлемъ великому Льву Николаевичу Толстому и нашъ посильный даръ—любовь“.

Гр. С. В. Панина, артисты, педагогической персональ и аудитория“.

Телеграмма труппы „Передвижного театра“:

„Свободному вѣчно ищущему духу свѣтлой радости искусства и жизни великому Льву Толстому шлетъ свой земной поклонъ драматической Передвижной театр“.

* * *

† Н. Д. Павловъ. 31-го августа скончался въ Одессѣ прибывшій сюда для леченія отъ тяжелой хронической болѣзни драматургъ Николай Даниловичъ Павловъ, авторъ многихъ пьесъ, въ томъ числѣ („На порогахъ великихъ событій“, въ сотрудничествѣ съ Крыловымъ), „Журъ-фиксъ“, „Помѣшанная“, „Повѣтріе“, „Мечтатели“, „Прочь съ дороги“ и др.). Снъ умеръ въ гор. больницѣ на 53 году жизни.

* * *

† Д. А. Бѣльскій. Въ ночь на 30-го августа скончался привѣщавшійся въ Убѣжищѣ Сценическихъ дѣятелей извѣстный провинціальныи антрепренсеръ Дмитрій Аонасьевичъ Бѣльскій.

Д. А. родился въ 1841 году въ гор. Симферополѣ, гдѣ и окончилъ гимназію. Потомъ поступилъ въ новороссійскій университетъ, гдѣ пробывъ 2 года, поступилъ на сцену и поѣхалъ служить въ Харьковъ въ антрепризу Дюкова. Дальнѣйшая его жизнь была посвящена антрепренерской дѣятельности. Онъ держалъ театры: въ Каменецъ-Подольскѣ—7 лѣтъ, Киевѣ—1 г., Н.-Новгородѣ—12 лѣтъ зимнихъ и 10 лѣтъ ярмарочныхъ сезоновъ, Костромѣ—3 г., Кишеневѣ, Симферополѣ и др. Д. А. въ Убѣжищѣ пробылъ 1 г. и 10 мѣс., приѣхавъ уже совсѣмъ больнымъ. Скончался 67 лѣтъ. Погребенъ на Б. Охт. кладбищѣ на общихъ мѣстахъ для артистовъ.

Послѣ него осталась вдова безъ средствъ.

* * *

† П. Я. Израильтенко. 23 августа, въ слободѣ Борисовкѣ, Курской губерніи, скончался отъ чахотки молодой малороссійскій писатель крестьянинъ Павелъ Яковлевичъ Израильтенко. Труды покойнаго печатались въ „Литературно-научномъ Вѣстникѣ“, „Природа и Жизнь“, „Русская Мысль“. На малороссійскій сценѣ въ провинціи нерѣдко ставились его бытовые и историческія драмы.

* * *

Александринскій театръ. Для открытія скомпановали тургеневскій спектакль: „Гдѣ тонко, тамъ и рвется“, „Провинціалка“ и 2 дѣйствія „Мѣсяца въ деревнѣ“...

Что Тургеневъ не драматургъ едва—ли подлежить сомнѣнію. Но неизяснима прелесть женскихъ образовъ такъ же приковываетъ къ его пьесамъ, какъ къ инымъ его произведеніямъ. Зритель поддается очарованію этихъ милыхъ грустно-нѣжныхъ душъ и временами совсѣмъ забываешь о неудачахъ сценарія, о растянутости дѣйствія, о докучныхъ повтореніяхъ.

„Гдѣ тонко, тамъ и рвется“—поставлено г. Озаровскимъ. Стилъ пятидесятыхъ годовъ схваченъ вѣрно, но стилъ и однотонность вовсе не то же самое. Вести пьесу и такъ уже продолжающуюся болѣе часу, сплошь „разговорную“, безъ всякихъ намековъ на сценическіе эффекты—вести ее все время въ одномъ тонѣ, безъ всякаго измѣненія темы, безъ пониженій и пониженій—это значитъ нарочно угнетать вниманіе зрителя. Заботливая режиссерская рука должна была указать исполнителямъ то, что возможно выдѣлать, подчеркнуть, тѣ сцены, которыя допускаютъ больше рельефа и напряженія. Благодаря такимъ интерваламъ, разнообразилось бы и настроеніе зрительнаго зала. Исполнители, поставленные режиссеромъ, въ такія рамки, конечно не могли дать того, что отъ нихъ можно было бы ожидать при иныхъ условіяхъ. Г-нъ Юрьевъ (Горскій), начавъ свою роль губернскаго сердцеѣда бодро и увѣренно, держался сначала на одномъ тонѣ, а потомъ даже „сыгралъ на пониженіе“, благодаря чему наприимѣръ совершенно пропала полная лиризма сцена у роля. Хорошо задумана и внѣшне удачно намѣчена въ акварельныхъ, нѣсколько блеклыхъ краскахъ роль Вѣры Либановичъ г-жею Ведринской. Но опять таки хотѣлось бы видѣть больше яркости, больше разнообразія въ отдѣльныхъ сценахъ. Остальные исполнители тоже строго придерживались границы однотонности и конечно все это къ невыгодѣ пьесы, которая показала большинству скучною, тогда какъ возможно было достигнуть совсѣмъ иного впечатлѣнія.

Два дѣйствія „Мѣсяца въ деревнѣ“ (3-е и 4-ое ст. Савиной въ роли Натальи Петровны, Давыдовымъ въ роли Шпигельскаго, Далматовымъ—Ракитинимъ и Бѣляевымъ—Ходотовымъ) прошли для юбилея—пожалуй блѣднѣе, чѣмъ обычно. Новою здѣсь была г-жа Панчина въ роли Вѣрочки. Молодая артистка очевидно много работала надъ ролью, и работа эта слишкомъ чувствуется. Цѣльнаго образа—въ милыхъ элегическихъ тонахъ Тургенева—она не дала, но въ 4 дѣйствіи показала наличность темперамента и умѣніе быть искренней.

Въ составѣ прежнихъ исполнителей разыграли „Провинціалку“—и тѣмъ закончили тургеневскій спектакль, который публика почтила своимъ присутствіемъ такъ же скучно, какъ спектакль толстовскій въ Маломъ театрѣ.

Импрессионистъ.

* * *

Малый театръ. Заслуженно-ли ошикана пьеса Н. Евреинова „Такая женщина“?

Прочитайте пьесу и вы убѣдитесь, что эта вещь очень интересно задумана, написана съ настроеніемъ и оставляетъ впечатлѣніе.

На сценѣ-же получилось совсѣмъ иное. Въ этомъ повиненъ не только авторъ, даже не столько авторъ, сколько придуманная зачѣмъ-то постановка по рисункамъ Бердслея, тогда какъ пьеса написана въ самыхъ реальныхъ тонахъ, и слабое исполненіе.

Но и въ правильной постановкѣ и въ хорошемъ исполненіи эта пьеса многое должна потерять, такъ какъ авторъ, увлекшись темой, упустилъ изъ виду условія сцены.

Возьмемъ, наприѣръ, очень характерную въ этомъ смыслѣ ремарку, предшествующую появленію Его Свѣтлости.

Пауза. Слышны солидные шаги; темпъ *allegro sostenuto*, ритмъ — восьмая и шестнадцатая: какъ будто кто-то прихрамываетъ.

Развѣ это возможно передать на сценѣ? И такихъ мелочей, въ то же время очень характерныхъ и дающихъ яркіе штрихи въ чтеніи, но совершенно пропадающихъ на сценѣ, очень много.

„Такая женщина“ — русская дѣвушка, бывшая фельдшерница, съ здоровыми задатками чистой души, случайно стала возлюбленной пресыщенного аристократа — „Его Свѣтлости“, давно потерявшего вкусъ къ нормальной жизни. Онъ наполняетъ ея существованіе причудами своей извращенной фантазіи, окружаетъ сказочной, экзотической роскошью, угадываетъ и предупреждаетъ ея малѣйшія желанія.

Постепенно тля забираетъ молодую душу и наступаетъ — „катарръ души“. Такъ, кстати, и называлась первоначально пьеса. Душа не принимаетъ новыхъ ощущений, она медленно атрофируется въ атмосферѣ лѣнливой нѣги, ревниво не допускающей притока свѣжей, бодрой струи воздуха. Отъ нея отнята даже радость желанія, такъ какъ все предугадано и предусмотрено.

Здоровая, сильная натура, принужденная жить воспоминаніями, требуетъ выхода хотя-бы путемъ преступленія... „Такая женщина“ убиваетъ „Его Свѣтлость“.

Пьеса требуетъ бытовыхъ деталей, нужно создать нездоровую, кошмарную атмосферу, плотнымъ кольцомъ сдавившую душу „такой женщины“.

Причемъ тутъ Бердслей?

Почему актеры декламировали, а не просто разговаривали? Почему актеры нарядились въ костюмы XVIII вѣка, когда пьеса современная... Многие тутъ непонятно, какъ непонятно и то, какъ можно было дать такую трудную, сложную роль малоопытной артисткѣ...

Заслуженно-ли ошканила пьеса?..

N.

Въ „Двѣнадцатой ночи“ въ роли Виолы выступила Н. Н. Музиль Бороздина, какъ извѣстно, съ особыхъ изяществомъ и вкусомъ играющая роли *travesti*.

Г-жа Музиль была очень женственна и граціозна. Одновременно въ роли Маріи выступила г-жа Вадимова, которую какъ и ея предшественнику — г-жу Кирову, плохо было слышно за веселымъ шумомъ режиссерской фантазіи. Еще играла г-жа Гуріэли вмѣсто г-жи Порчинской Оливію:

Отъ сравненія г-жа Порчинская оч.нь выиграла.

* *

Театръ „Пассажъ“. Спектакли московской труппы Сабурова, видимо, пришли по вкусу итербургской публикѣ. Поставленная за недѣлю новинки дѣлаютъ хорошіе сборы. Первая половина вечера удѣляется легкой, незапятнанной комедіи, а послѣ 10 часовъ наступаетъ торжество истинно-французскаго фарса. Прекрасно сыгравшаяся труппа отлично справляется со своимъ дѣломъ.

Изъ новыхъ комедій вниманія заслуживаетъ „Лягушечка“, милая комедія Запольской, написанная на тему о томъ, какъ обманутый мужъ, который ничего не знаетъ, пользуется безмятежнымъ счастьемъ.

3 сентября поставлены были двѣ новыя пьесы — комедія „Цапъ-царапъ“ и фарсъ „999 рогоносцевъ“. „Цапъ-царапъ“ — это лозунгъ родительскаго союза, учрежденнаго для ловли жениховъ. Послѣдніе, широко пользуясь преимуществами своего положенія, отлыниваютъ однако отъ женитьбы и попадаютъ только на неожиданную приманку — замужнюю сестру одной изъ невѣст. Пьесу выноситъ на своихъ плечахъ талантливая г-жа Грановская. Типиченъ г. Сабуровъ въ роли вахлака мужа, съ помощью спеціального руководства для мужей еылѣзающего изъ-подъ башмака. Третій актъ — самый живой и веселый, идетъ подъ дружный смѣхъ всего зала.

Вторая пьеса — 999-я вариация на тему сбѣ адюльтерѣ. Въ ней на лицо всѣ самые „нужные и важные“ элементы фарса: полицейскій комиссаръ, новобрачная, теща, домъ свиданій и пр. Но есть и новое. На сценѣ демонстрируютъ кинематографъ, на экранѣ котораго парочками въ самыхъ откровенныхъ видахъ и интимныхъ позахъ проходятъ всѣ дѣйствующія лица... Кинематографъ договариваетъ то, что должно было происходить за сценой, въ отдѣльных кабинетахъ дома свиданій.

Заразительно весело играютъ г-жи Легаръ-Лейнгардтъ, Мартынова, Вѣковская и гг. Казанскій, Фокинъ, Чинаровъ.

Л. И.

* * *

Народный Домъ графини Паниной. Въ большой залѣ чайной, увѣшанной портретами писателей и картинами историческихъ событий, 31-го августа было особенно людно.

Въ театрѣ Дома труппа П. П. Гайдебурова въ этотъ же вечеръ играла въ честь 80-ти лѣтія великаго писателя, его драму „Власть тьмы“.

† Д. А. Бѣльскій.

„Постановочка“ въ такомъ родѣ:

Декорации г. Доронина были въ большей своей части реальны, съ массивными столбами, настоящей соломой на кровляхъ, частью же эти декорации, совершенно непонятно зачѣмъ, рѣзали глазъ, словно заплатами, драпированными холстами сбоку и въ серединѣ сцены. Что-нибудь одно: или примитивная постановка „на сукнахъ“, или уже гармоническое стремленіе къ иллюзіи.

Внутренность избы, три раза повторяющаяся въ пьесѣ, была отодвинута слишкомъ глубоко къ аррьеръ-сценѣ, и слабо освѣщена; самая площадь этой декорации, въ темной рамкѣ, была очень мала, такъ что заключительная сцена свадебной пирушки и покаяніе Никиты производила впечатлѣніе толкотни, въ которой терялись отдѣльныя фигуры.

Публика видѣла и слышала издали, словно въ туманѣ и въ ракурсахъ.

Г. Гайдебуровъ въ качествѣ Никиты былъ, въ сущности, костюмированнымъ интеллигентомъ, толково, въ вѣрныхъ тонахъ читавшимъ слова Никиты. Внутренней силы, темперамента у г. Гайдебурова мало, г. Гайдебуровъ былъ слишкомъ тщедушнымъ Никитой и по фигурѣ, и по манерѣ игры. Недостатки его дикціи здѣсь, въ яркой русской рѣчи, увеличивали диссонансъ образа съ исполнителемъ.

Большой ошибкой г. Гайдебурова и его товарищей было затушевываніе быта. Это вполне никому не удалось и актеры сбивались изъ одного тона въ другой.

Развѣ общечеловѣчность драмы Толстого теряетъ отъ бытового фона? Напротивъ. Именно этотъ-то фонъ и даетъ всю полноту ужаса „власти тьмы“, въ которой гибнетъ деревня.

Труппа г. Гайдебурова „перемудрствовала лукаво“. Своимъ успѣхомъ спектакль обязанъ повышенному настроенію въ день юбилея великаго старца. Сыграли драму, въ общемъ, очень старательно, но... тускло. Думается, что если-бы не было „предвзятости“, тѣ же артисты могли-бы дать гораздо больше.

Выдѣлились на данномъ спектаклѣ роли у г-жи Любецкой (Матрена) и г. Чернова (Акимъ), которые „выявили“, какъ и слѣдовало, быть.

Г-жа Марусина (Анисья) играла съ чутко схваченными настроеніями, но русская баба перемѣшалась у нея, какъ и у г. Гайдебурова, съ интеллигенткой, играющей роль.

Г-жѣ Капустиной (Анютка) не хватало искренности, игра ея была напряженной, хотя образъ былъ намѣченъ вѣрно и слышались самобытныя интонаціи.

Недуренъ былъ умирающій Петръ (г. Аркадинъ). Остальныя лица оставили смутное впечатлѣніе. *И. Тамиръ.*

* * *

Открытіе балетнаго сезона. Ничего интереснѣе и привлекательнѣе „Ручья“ для открытія не нашли.

И самый балетъ скученъ, и исполненіе — кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Приходится думать, что лица, стояція во главѣ балетнаго искусства, подрадились дѣлать на зло публикѣ: ругаетъ, молъ, насъ, такъ нате вамъ „Ручей“ — не срететъ никакой, съ юными 17-лѣтними артистками во главѣ кардебалета, съ „полезными“ г-жами Офищеровой и Поляковой, вмѣсто г-жъ Трефиловой и Кякштъ, съ необученными статистами, плохимъ освѣщеніемъ сцены и т. д. и т. д.

Одна г-жа Преображенская не сдается: она какъ только можно вырываетъ дѣло. Будемъ любоваться талантливой балериной, тѣмъ болѣе, что она танцуетъ, можетъ быть, послѣдніе мѣсяцы до пенсіи.

Будемъ справедливы и отмѣтимъ, точно для контраста,

полный успѣхъ балета въ оперѣ „Жизнь за Царя“. Правда, многое сдѣлали великолѣпные, разнообразныя костюмы Коровина, исторически вѣрная новая обстановка, но и танцовали наши артистки и артисты на польскомъ балу превосходно.

Открытыя купюры и мазурка въ первоначальномъ видѣ несколько не нарушили стройности танцевъ, поставленныхъ Н. О. Гольцемъ еще въ 1843 году. Возстановленъ прелестный вальсъ и танцы къ нему сочинены г. Легатомъ. Онъ удачно введенъ въ сценическое дѣйствіе, но бѣденъ фантазіей. Кроме того, въ крупныхъ и продолжительныхъ музыкальныхъ номерахъ должна принимать участіе солистка или даже балерина. Г-жѣ Преображенской первое мѣсто въ этомъ вальсѣ, если можно отбросить вопросъ о разовыхъ.

Среди танцовавшихъ и даже игравшихъ съ огнемъ и увлеченіемъ, назовемъ: г-жѣ Обухову, Егорову, Карсавину, Сѣдову въ польскомъ и мазуркѣ, въ остальныхъ танцахъ: г-жѣ Спрышинскую, Чернышеву, Макарову и Барашъ, а изъ кавалеровъ гг. Гердта, Васильева, Медалинскаго и др. Что хорошо, о томъ никогда не скажемъ „кому-то на зло“, что было худо.

Л. Козлячиновъ.

* * *

Невское общество народныхъ развлеченій. Толстовскіе дни были ознаменованы постановкой пьесы: „Макарка-душегубъ“, данной въ театрѣ Общества 30-го августа. Если Общество не нашло возможнымъ по какимъ-бы то ни было причинамъ ознаменовать достойнымъ образомъ юбилей великаго писателя, неужели въ репертуарѣ русской драмы не нашлось ничего болѣе подходящаго, какъ грубая передѣлка пошлѣйшаго бульварнаго романа. Тѣмъ болѣе грустно, что постановкой спектаклей завѣдуетъ рабочій съ мѣстнаго Обуховскаго завода г. Львовъ и въ составѣ комитета тоже находится того же завода г. Громовъ. А когда-то Невское Общество стояло во главѣ прогрессивныхъ учреждений подобнаго рода.

С. С.

* * *

Намъ пишутъ изъ **Москвы**: Въ теченіе этого сезона г. Зиминъ съ частью своей труппы предполагаетъ давать оперные спектакли въ городскомъ народномъ домѣ (на Введенской площади). Въ настоящее время по этому вопросу ведутся имъ переговоры. Спектакли предполагаются раза два въ недѣлю. Есть также проектъ устраивать оперные спектакли въ ближайшихъ къ Москвѣ провинціальныхъ городахъ. Для этихъ спектаклей будутъ организованы особые оркестры и хоръ. Всѣ артисты оперы Зимина по заключенному договору не имѣютъ права въ продолженіе сезона участвовать ни въ одномъ концертѣ въ Москвѣ. Исключеніе предоставлено Керзинскимъ утрамъ, въ которыхъ разрѣшается участвовать даже пѣвцамъ Большого театра. Необходимо пояснить, что Керзинскія утра являютъ собою какъ бы колыбель всѣхъ музыкальныхъ новинокъ оркестровыхъ, фортепьянныхъ и вокальныхъ.

Эстрада Керзинскихъ концертовъ даетъ часто дипломъ на званіе пѣвца, пианиста и композитора. Попастъ на эти концерты весьма трудно, такъ какъ однажды выданный билетъ для входа—дѣйствителенъ на неопредѣленное количество лѣтъ. Обычные посѣтители — выдающіеся представители музыкальныхъ искусствъ и газетной критики. Великимъ постомъ въ оперѣ Зимина въ театрѣ Солодовникова предполагается рядъ гастролей иностранныхъ знаменитостей: — Лина Кавальери, Ансельми, Баттистини и басы Дидуръ.

Какъ намъ передавали, дирекція Императ. театровъ пригласила М. Гай на рядъ гастролей въ Большомъ театрѣ во время великопостнаго сезона. Изъ тѣхъ же источниковъ мы узнали, что теноръ петербургскаго Маріинскаго театра г. Матвѣевъ будетъ на два мѣсяца командированъ въ Москву, въ виду того, что г. Воначичъ отказался пѣть въ этомъ сезонѣ въ операхъ „Зигфридъ“, „Лозенгринъ“, „Сказаніе о градѣ Китежѣ“ и „Неронъ“.

Дирекція заключила контрактъ съ г-жею Павловой, которая въ продолженіи цѣлаго минувшаго сезона появлялась два — три раза на сценѣ и къ тому же весьма неудачно. Артистка оставлена еще на два года съ окладомъ по 3400 р. за сезонъ. Мудрая экономія!

Въ Большомъ театрѣ вновь введено старое, но забытое правило. Дирекція оповѣстила своихъ посѣтителей, что для обезпеченія тишины въ зрительномъ залѣ во время оперныхъ представлений входъ въ залу разрѣшенъ только до начала увертюры и, какъ только дирижеръ взмахнетъ палочкой—никто уже изъ публики не можетъ войти вплоть до ближайшаго антракта.

Въ текущемъ зимнемъ сезонѣ начнетъ функционировать филиальное отдѣленіе Художественнаго театра, во главѣ котораго будетъ стоять артистъ В. В. Лужскій. Филиалъ составляютъ окончившіе драматическое училище при театрѣ молодые артисты, участвующіе въ массовыхъ сценахъ, или играющіе маленькія роли въ нѣкоторыхъ пьесахъ. Въ случаѣ удачной постановки спектакли будутъ ставиться для учениковъ Худож. театра, въ случаѣ же менѣе удачнаго исхода, спектакли филиала будутъ перенесены въ помѣщеніе одного

изъ нашихъ клубовъ. Въ представленномъ на усмотрѣніе театра спискѣ пьесъ значатся „Плоды просвѣщенія“, „Шейлокъ“ и нѣкот. др.

Большинство вторыхъ артистовъ Малаго театра, при введеніи новыхъ штатовъ уволенныхъ въ прошломъ сезонѣ, получили приглашеніе отъ дирекціи принимать участіе въ обстановочныхъ пьесахъ за разовую плату.

Въ труппу театра Корша снова возвращается артистъ г. Константиновъ, служившій ранѣе нѣсколько сезоновъ на ампула фатовъ. Теперь г. Константиновъ будетъ играть роли героевъ-резонеровъ; первый выходъ артиста состоится въ ближайшую пятницу въ пьесѣ Бьернштейна—„Самсонъ“.

За первый полумѣсяцъ театръ Корша выручилъ сумму, превышающую по сравненію съ прошлымъ годомъ на 1700 р.

Въ составѣ опереточной труппы А. Э. Блюменталь-Тамарина произошла маленькая перемѣна: выбыла г-жа Зброжекъ-Пашковская, а вмѣсто нея приглашена быв. артистка оперы Зимина—г-жа Веретенникова.

Большой театръ возобновилъ контрактъ съ дирижеромъ г. Сукъ еще на пять лѣтъ по 8,400 р. въ годъ. На мѣсто второго дирижера, которое освободится въ концѣ сезона съ уходомъ г. Федорова, прочать, по слухамъ, первого дирижера театра Зимина г. Купера, а въ случаѣ несогласія послѣдняго—г. Сараджева.

Началась сдача театровъ на будущіе сезоны. Такъ, театръ Асмолова въ Ростовѣ н/Д. на Вел. постъ сданъ подъ оперу г. Максакову, на Пасху и Фоминую для опереточныхъ спектаклей г. Ловскому. Въ Воронежѣ на Пасху и Фоминую городской театръ сданъ г. Максакову.

III.

Большой театръ открылъ свой сезонъ по традиціи „Жизнь за Царя“. Спектакль былъ въ нѣкоторомъ родѣ юбилейнымъ, такъ какъ въ этотъ вечеръ опера Глинки шла въ 500-й разъ. Это за 70 лѣтъ со дня первой постановки оперы, слѣдовательно за весь истекшій періодъ, „Жизнь за Царя“ шла не болѣе 7 разъ въ сезонъ. Въ вечеръ открытія театръ былъ переполненъ, составъ же исполнителей далеко не удовлетворителенъ. Благоприятное впечатлѣніе произвела дебютантка г-жа Антарова, выступившая въ роли Вани. Уровень исполненія остальныхъ участниковъ спектакля въ лицѣ г-жи Цыбушенко (Антонида), г-и Петрова (Сусанина) и Мосина (Собининъ) — ниже средняго. Для юбилейнаго спектакля это какъ будто неудобно. Совершенно иное впечатлѣніе отъ открытія оперы Зимина. Шель „Борисъ Годуновъ“. Къ созданію Мусоргскаго отнеслись съ рѣдкой тщательностью и добросовѣстностью; постановка богата, художественна и носитъ на себѣ слѣдъ большой вдумчивой работы по части соблюденія исторической вѣрности. Все до мельчайшихъ подробностей придумано съ любовью и выполнено съ рѣдкой добросовѣстностью. Похвала эта относится главнымъ образомъ къ режиссеру г. Оленину, но нельзя не согласиться, что блестящее впечатлѣніе отъ спектакля находится въ тѣсной зависимости и отъ исполнителей. Музыкальная часть безусловно стоитъ на большой высотѣ: хоръ и оркестръ подъ управленіемъ г. Купера должны были глубоко радовать самаго требовательнаго музыканта. Всѣхъ солистовъ въ спектаклѣ было занято 24 чел. Всѣ были на своихъ мѣстахъ и сдѣлали превыше мѣры къ тому, чтобы спектакль остался у присутствующихъ на долго въ памяти. Особенно хорошъ новый теноръ Дамеевъ — обладаетъ богатымъ вокальнымъ матеріаломъ и темпераментомъ.

В. III—ог.

По провѣщанію.

Баку. Драм. труппа А. Н. Кручинина открываетъ сезонъ 23-го сентября. Полный составъ труппы: г-жи Астроза, Мунтъ, Иванчикая, Зиновьева, Марына, Райская, Рюмшина, Бѣлоцерковская, Павловская, Гарина, Теръ-Оганіанъ, Лидина, Корсакова, Віолетъ, Братанова; гг. Агаревъ, Голубовъ, Надеждинъ, Бѣляевъ, Гаринъ, Травинъ, Чингирей, Маккавейскій, Богатилловъ, Гринцовъ, Звѣздичъ, Вейскій, Кавказовъ.

Режиссеръ—Андреевъ, помощникъ режиссера—Легаровъ, суфлеръ—Озеровъ, декораторъ—Мавроди.

Вильна. Зимній сезонъ Антреприза З. А. Малиновской. Составъ труппы: гг. Левицкій, Рыбниковъ, Бѣлина-Бѣлиновичъ, Унгернъ, Горсткннъ, Танскій, Ремизовъ, Михайленко, Морозовъ, Мюдушевскій, Горовъ, Рустановъ, Зотовъ, Гриневъ, Генбачевъ, Ахматовъ, Черновъ, Демидовъ, Александровъ; г-жи Буткевичъ, Раевская, Львовичъ, Сорохтина, Чернова, Попова, Зыковская, Лель, Жукова, Сейфулина, Бланкъ, Михайлова, Танская, Эмска. Начало сезона 25 сентября.

Воронежъ. Намъ пишутъ: Новый зимній театръ В. П. Попова снятъ на 1908/9 г. товариществомъ московской оперы подъ управ. г. Филиппова. Труппа составлена изъ лучшихъ провинціальныхъ оперныхъ артистовъ. На гастрольные спектакли приглашены, между прочимъ, г. Шевелевъ и г-жа Пе-

трома-Званцева. Цѣны мѣстамъ назначаются вполне общедоступныя—партеръ отъ 60 коп., а балконъ отъ 30 коп.

Съ 31 августа, въ домѣ извѣстнаго клоуна А. Л. Дурова, открылся постоянный музей и выставка картинъ. Въ музеѣ имѣется много цѣнныхъ вещей. Зимній сезонъ у насъ ожидается очень оживленный; будутъ двѣ драм. труппы—одна въ зим. город. театрѣ, а другая въ театрѣ народнаго дома и оперная труппа въ новомъ театрѣ Попова, кромѣ того театры „Биографъ“ и „Тауматографъ“, которые охотно посѣщаются публикой.

В. П. Родимъ.

Владиванъ. Очень торжественно былъ отпразднованъ 25-лѣтній юбилей „дѣятельности на поприщѣ директора цирка“ Н. Н. Злобина.

Екатеринбургъ. Въ Верхъ-Исетскомъ театрѣ, снятомъ у А. А. Левицкаго О. П. Зарайской, сезонъ драмы открывается 26 сентября. Полный составъ труппы: О. П. Зарайская, Н. П. Райская-Доре, Н. Н. Орловская, Е. А. Кудрявцева, Е. А. Некрасова, Е. М. Чарова, М. А. Чарская, Е. Н. Лукина, О. И. Докучаева, Н. Н. Лоранъ, В. Д. Пано, Е. А. Раева, Г. Ф. Демюръ, В. С. Колпашниковъ, Н. Т. Чужбиновъ, Л. Д. Короткевичъ, П. А. Пановъ, Е. П. Платовъ, В. П. Деминъ, Н. К. Ленскій, А. Н. Борисоглѣбскій, А. И. Акимовъ, И. М. Арскій С. А. Горенко, Ф. Ф. Гориръ, Я. К. Лошаковъ. П. М. Прокуринъ, В. П. Разумовскій. Режиссеръ П. Ф. Демюръ.

Екатеринодаръ. Оперное товарищество г. Вородая дѣлаетъ все время хорошаго дѣла. На кругъ идутъ спектакли по 870 р. Сезонъ заканчивается 5-го сентября.

Иркутскъ. Лѣтній сезонъ—антрепренера Е. М. Долина—законченъ 15 августа съ крупнымъ дефицитомъ, за 2 мѣсяца и 20 дней взято валового 18 тысячъ рублей. Труппѣ уплотнено все сполна.

Кіевъ. Постановка „Короля“ С. Юшкевича неожиданно встрѣтила препятствіе со стороны мѣстной администраціи.

Пьеса эта въ изданіи журнала „Театръ и Искусство“ безусловно разрѣшена къ представленію, о чемъ напечатано въ „Прав. Вѣст.“. Но и этого для кіевской администраціи, повидимому, мало.

Кисловодскъ. Намъ пишутъ: „Предсѣдательствующему Правленію Владикавказской желѣзной дороги поданъ за многочисленными подписями протестъ публики на дѣятельность нынѣшняго антрепренера кисловодскаго курзала и театра А. А. Литвинова. Указавъ на общее небрежное веденіе дѣла, гг. протестанты, между прочимъ, пишутъ (цитируемъ документъ) „г. Литвиновъ, пригласивъ на сезонъ 1908 г., посредственное по составу большинства его участниковъ оперное кооперативное товарищество и сдавъ ему на драконовскихъ условіяхъ театръ, получая самъ субсидію и театръ даромъ, тѣмъ самымъ заставилъ названное товарищество, не имѣвшее успѣха у избалованной публики, прекратить спектакли, оставивъ, такимъ образомъ, Кисловодскъ безъ оперы въ самомъ разгарѣ сезона 15-го іюля и хоръ оперы въ безвыходномъ положеніи,—безъ работы. Устраиваемая г. Литвиновымъ по праздничнымъ днямъ, въ прилегающемъ къ курзалу паркѣ, такъ называемая „гулянья“, за входъ на который плата повышается въ три раза и болѣе противъ обыкновенной, представляютъ изъ себя явное глумленіе надъ всѣми посѣтителями“ и т. д. Заканчивается эта бумага слѣд. строками: „убѣдительно просимъ ваше превосходительство принять возможные мѣры къ тому, чтобы на предстоящій сезонъ 1909 года принадлежашіе Владикавказской желѣзной дорогѣ курзалъ и театръ были сданы болѣе опытному въ театральномъ дѣлѣ и добросовѣстному лицу“. (Слѣдуютъ подписи).

— 22-го августа г. Литвиновъ судомъ приговоренъ на недѣлю въ тюрьму за столкновеніе съ артистомъ оркестра.

Новочеркасскъ. Приводимъ полный составъ труппы: г-жи Дарьялъ, Александрова, Ковалева, Авѣрина, Чарова, Сѣверова, Лавровская-Долинская, Волжковская, Ланская, Радина, Гончарова, Аргутинская, Истомина и Домогацкая. Гг. Муромцевъ, Булатовъ, Дупецкій, Шевченко, Михайловъ, Максинъ, Андреевъ, Рабринъ, Орловъ, Аркадьевъ, Мининъ, Петровъ, Безстужевъ, Рѣзюзовъ, Зринъ, Черкасцевъ, Хмаринъ.

— Въ лѣтнемъ театрѣ „Ротонды“ Александровскаго сада закончила лѣтній сезонъ малороссійская труппа Колесниченко и переѣзжаетъ на зиму въ Харьковъ.

Съ 1 по 8 сентября въ лѣтнемъ театрѣ „Ротонды“ будетъ играть опереточная труппа С. И. Крылова, а съ 16 сентября будетъ открытъ зимній сезонъ драматической труппой С. И. Крылова.

Н.-Новгородъ. 31-го августа закончило сезонъ товарищество оперныхъ артистовъ ярмарочнаго театра Фигнера. Валового взято 43 тысячи рублей. Въ прошломъ году было 39 тысячъ. Товарищество на марки получить или цѣлымъ рублемъ или немного меньше.

На будущій годъ ярмарочный театръ сняли гг. Келлеръ и оперный артистъ Шейнъ.

— Приѣхалъ главный режиссеръ городского театра г. Евгеньевъ. Начинаютъ съѣзжаться артисты труппы г. Медьдева. Съ 7-го сентября предполагается начать репетиціи.

Одесса. Закончившіеся въ Гор. саду концерты оказались въ матеріальномъ отношеніи весьма неудачными. Взято за

весь сезонъ 13,825 руб. Въ нынѣшнемъ году получено на кругъ 160 р., а въ прошломъ 315.

Одесса. 30-го августа „Комедію любви“ Ибсена открылся гор. театръ. Этотъ спектакль былъ одновременно и дебютнымъ режиссера г. Марджанова. И „Одесск. Нов.“ и „Од. Лист.“ сходятся въ томъ, что режиссеромъ положено немало труда.

Изъ дальнѣйшаго же разбора обнаруживается непривычательность этого труда.

Г. Старый театральщикъ пишетъ: „Самый тонъ исполненія оказался невыдержаннымъ, и получилось то, что въ грубой формѣ называется „кто въ лѣсъ, кто по дрова“, Одни,—какъ г-жа Мельникова, чрезмѣрно жеманная и каррикатурно-монотонная фрекентя Шэре, какъ г. Давидовскій, обратившій пылкого мечтателя Линда въ шаловливаго школяра—впадали въ явный шаржъ; другіе, какъ, напр., г. Дмитріевъ, игравшій пастора, не выходили изъ рамокъ высокой комедіи. Но и тѣ, и другіе—надо отдать имъ справедливость—дѣлали свое дѣло достаточно безталанно, хотъ и вполне добросовѣстно. Добросовѣстно... Да, именно печать добросовѣстности лежала на этомъ спектаклѣ, лишенномъ согрѣвающего дыханія таланта“.

То-же говорить и г. Александровскій въ „Од. Листкѣ“: „Общая картина получилась тусклая и блѣдная“.

Итакъ... итакъ режиссеромъ положено немало труда.

Когда женщина некрасива, то говорятъ, что у нея хорошіе волосы—припоминается изъ „Дяди Вани“...

Пенза. Намъ телеграфируютъ: „Народный театръ, подъ режиссерствомъ Залѣсова, закончилъ 31-го августа блестяще лѣтній сезонъ, получивъ валового сбора 200,000 рублей.—Распорядитель Волковъ“.

Петрѣавловскъ. Драма гг. Добрякова и Панфилова дала убытокъ. Артистамъ жалованіе все уплачено.

Саратовъ, театръ Очкина, зимній сезонъ. Составъ труппы: г-жи Максимова—драматич. энженю, Горева—пожилая героиня, Муравьева—лирическая энженю, Гамаюнъ—характерная энженю, Зарницына—драматич. энженю, Ленская—драматич. и комич. старуха, Алябьева—грандъ-дамъ, Струйская—водевили и 2 энженю, Сарматова—2 энженю, Ланская—вторыя роли, Борисова—бытовыя роли, Орская, Сабурова, Громова, Барановичъ—2-ыя роли. Гг. Скуратовъ—роли героевъ и характерныя роли, Невѣдомовъ—роли фатовъ, Рославскій—драматич. любовникъ, Сарматовъ—неврастеникъ, Громовъ—комикъ резонеръ, Кругляковъ—комикъ, Карамзинъ и Борскій—резонеры, Николаевъ—комикъ, Бѣльскій—простакъ, Ланской-Любимовъ—2 любовникъ, Юрьевъ, Арбининъ, Ильинъ, Смѣльскій, Михайловъ—2 роли. Репертуаръ драма и комедія. Помощникъ Пальминъ. Суфлеръ Барановичъ. Декораторы гг. Живнѣй и Паринковъ.

Саратовъ. Приводимъ полный составъ драм. труппы гор. театра на зимній сезонъ: С. Б. Писарева (героиня, грандъ-кокеттъ), Е. Н. Лилина (энженю-драматикъ), М. Н. Можанская (кокеттъ), Л. Н. Марусина (молодая героиня—кокеттъ), Л. Р. Поль (комическая и драматическая энженю), Е. П. Горова, Э. К. Лѣлина (энженю), Н. Н. Невская (драматическая старуха-грандъ-дама) В. Н. Ларина (комич. старуха), Е. О. Салиасъ (характерныя и бытовыя роли), г-жи: Волынская, Заіончковская, Гаянова, Инсарова, Менская и Чеховская—вторыя роли. Е. А. Лепковскій (герой), С. И. Микулинъ (драматическій любовникъ), И. И. Гедике (драматич. любовникъ), М. И. Дальневъ (лирич. любовникъ), В. Л. Версановъ (фатъ и простакъ), Н. Е. Абловъ (фатъ, салонный резонеръ), Е. Ф. Боуэръ (комикъ-резонеръ), В. И. Нероновъ (комикъ, характерныя роли), М. И. Мишанинъ (комикъ), Д. Р. Любинъ (резонеръ), гг. Ларинъ, Бочаровъ, Корнштейнъ, Дымовъ, Тольскій, Дороховъ, Рудинъ—вторыя роли. Главный режиссеръ—Е. Ф. Боуэръ, режиссеръ М. А. Долиновъ, помощники режиссера: В. Н. Поповъ, П. М. Семеновскій. Суфлеры: Долиновъ, Жуковъ. Художникъ-декораторъ П. П. Богатыревъ. Уполномоченный дирекціи А. И. Гришинъ. Открытіе предполагается 16 сентября.

Симбирскъ. Намъ пишутъ: На зимній сезонъ театръ снялъ державшій въ Смоленскѣ антрепризу г. Родзевичъ. Режиссеромъ приглашенъ провинціальный артистъ г. Ленскій. Если вѣрны слухамъ, труппа составлена изъ лучшихъ провинціальныхъ силъ. Въ настоящее время въ театрѣ дѣлаются уже приготовленія къ зимнему сезону: въ зрительномъ залѣ, фойѣ и на сценѣ дѣлаются подправки, рисуются декорации для готовящихся къ постановкѣ „Юлія Цезаря“ и „Эроса и Психей“ и т. д.

Предполагаемое открытіе зимняго сезона 18-го сентября.

Г. Сумы. Лѣтній сезонъ А. Л. Миролубова законченъ 24-го августа пьесой „Счастливецъ“. Сезонъ лился 3 мѣс. и 24 дня. Взято валового сбора 20,360 руб. Сыграно 80 спектаклей. Жалованье всѣмъ уплачено полностью. Чистой прибыли 3,200 руб. На слѣдующій сезонъ театръ „Швейцарія“ и „Тиволи“ остались за А. Л. Миролубовымъ.

Ялта. Намъ телеграфируютъ: „Не смотря на интриги нѣкоторыхъ артистовъ и артистокъ, кончилъ сезонъ блестяще. Всѣмъ уплачено. Прибыль—двѣ тысячи“.

Почуяевъ.

— Новый театръ С. Новикова открылся 31 августа. Съ 8 сентября оперетка Рафальскаго, а затѣмъ малороссы.

Письма въ редакцію.

М. г. Въ № 34 Вашего уважаемаго журнала помѣщена корреспонденція изъ г. Николаева, въ которой, между прочимъ, говорится, что дѣло николаевской антрепризы принадлежитъ „de facto Михайловскому-Никулину, а официально Н. Н. Михайловскому“. Во избѣжаніе могущихъ быть недоразумѣній считаю необходимымъ заявить, что я ничего общаго съ г. Никулинымъ не имѣю и являюсь единоличнымъ антрепренеромъ Николаевского театра.

Пр. и пр. *Н. Михайловскій.*

М. г. Прошу не отказать напечатать въ Вашемъ журналѣ слѣдующее:

Казанскій корреспондентъ (Н. О. Юшковъ), очевидно обидѣвшись на телеграмму Н. И. Соболевича-Самарина, называющую замѣтку о передачѣ имъ казанскаго театра мнѣ под драму и г. Мандельштаму подъ оперу за 6000 руб.—фантазіей корреспондента, въ 34 № „Т. и И.“ пишетъ, что эти упорные слухи могутъ быть опровергнуты только чуть ли не *присной съ моей стороны*, что я такой-то Ей-Богу ни въ какихъ иныхъ

М. Я. Биренсъ.

(Новая артистка московскаго Художеств. театра).

матерьяльныхъ отношеніяхъ, кромѣ какъ служащаго къ хозяину не состою!

Приблизительно числа 17-го августа я лично видѣлся съ Н. О. Юшковымъ въ Казани и говорилъ ему, что и не думаю переснимать казанскаго театра, а служу у г. Соболевича въ качествѣ его уполномоченнаго, и что всѣ „упорные слухи“ по этому поводу—дѣйствительно чья-то фантазія. Очевидно казанскому корреспонденту мои слова показались мало убѣдительными, а потому, главнымъ образомъ чтобы не вводить въ заблужденіе артистовъ, служащихъ у г. Соболевича—еще разъ заявляю, что казанскаго театра ни за 6000 р., ни на какихъ другихъ условіяхъ я не снималъ.

Уполномоченный дирекціи Соболевича-Самарина,

А. Гришинъ.

(По телеграфу).

„М. г. Казанскій корреспондентъ, прикрившись псевдонимомъ, распространяетъ печатно упорные слухи, то есть сплетню. Это недостойно сотрудника честнаго, солиднаго журнала. Прошу господъ Мандельштама и Гришина удовлетворить его любознательность фактами и добрымъ совѣтомъ не вѣрить сплетнямъ“.

Соболевичовъ.

Существуетъ-ли законъ?

Прегражденіе спектаклей моей труппы въ Кіевѣ послужило поводомъ для кривотолковъ въ нѣкоторыхъ органахъ печати и получило ложное освѣщеніе. Считаю правильное изложеніе факта и вѣрное освѣщеніе его важнымъ, ибо произволь, котораго жертвой я сталъ, можетъ повториться въ другихъ „генераль-губернаторствахъ“, то позволю себѣ въ немногихъ словахъ разсказать здѣсь, что и какъ произошло.

Пріѣхавъ съ труппою въ Кіевъ, я возбудилъ ходатайство

о разрѣшеніи ставить спектакли на еврейскомъ языкѣ (жаргонъ). Губернаторъ-же гр. Игнатьевъ „предложилъ“ публиковать въ афишахъ и объявленіяхъ о нѣмецкихъ спектакляхъ. Такая сдѣлка представлялась неудобной, о чемъ я и доложилъ губернатору; но послѣдній успокаивалъ меня, что никто не мѣшаетъ мнѣ ставить спектакли на жаргонѣ, лишь-бы на афишѣ было сказано, что пьесы нѣмецкія.

Въ тоже время губернаторъ пообѣщавъ мнѣ, что онъ запроситъ главное управленіе по дѣламъ печати, и если тамъ ничего не будутъ имѣть противъ спектаклей на жаргонѣ, то и онъ, губернаторъ, препятствовать не станетъ.

Дѣйствительно, запросъ былъ сдѣланъ и изъ Петербурга получился вполне благоприятный для меня отвѣтъ: разрѣшено было ставить пьесы въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ разрѣшены цензурою. Разговоръ дальше не могло быть... Я сталъ публиковать о спектакляхъ на еврейскомъ языкѣ.

23 іюля, когда къ постановкѣ назначена была пьеса Я. Гордина „Ди Шхите“, явился ко мнѣ передъ началомъ спектакля надзиратель Старо-Кіевскаго полицейскаго участка и по порученію пристава потребовалъ отъ меня подписку, что спектакли ставить буду на нѣмецкомъ языкѣ.

На предъявленной мнѣ надзирателемъ готовой уже подпискѣ, я написалъ, что, по елику пьесы написаны и къ постановкѣ на сценѣ разрѣшены на еврейскомъ языкѣ, я не имѣю права передѣлывать ихъ на нѣмецкій языкъ и ставить ихъ на сценѣ безъ новаго разрѣшенія цензуры, и что я лучше откажусь отъ спектакля, чѣмъ идти противъ закона, хотя-бы того требовала отъ меня полиція.

И спектакль былъ отмѣненъ.

Оказалось, что новая репрессія вышла изъ нѣдръ генераль-губернаторской канцеляріи.

Я не придаю значенія слухамъ, будто кое-кому было неприятно, что я дѣлалъ ущербъ кафе-шантану „Шато-де-Флеръ“, отвлекая отъ него еврейскую молодежь.

Для меня лишь важна принципиальная сторона инцидента.

Пьесы написаны по еврейски и цензурное вѣдомство разрѣшаетъ ихъ въ такомъ видѣ, а администрація требуетъ:

„Играйте по нѣмецки“.

Если-бы я послѣдовалъ этому требованію, то кіевскій цензурный комитетъ имѣлъ-бы законнѣйшее право привлечь меня къ ответственности за постановку не разрѣшенныхъ пьесъ. Предсѣдатель кіевскаго цензурнаго комитета г. Сидоровъ, изъ меня могъ-бы сдѣлать, такъ сказать, „Сидорову козу“...

Благодарю покорно за такія „законныя перспективы!“ Я предпочелъ отряхнуть кіевскій прахъ отъ ногъ своихъ.

Но вѣдь случившееся со мною можетъ случиться и съ малороссами и всякими російскими „иностранцами“, которымъ вздумается пріѣхать въ Кіевъ ставить спектакли. Нужно-же серьезно и разъ на всегда выяснить вопросъ: должны-ли мы руководствоваться общимъ закономъ, коего блюстителемъ является главное управленіе по дѣламъ печати, или въ каждомъ уголкѣ Россіи имѣются сепаратные законы?

Антрепренеръ *А. Фишзонъ.*

М. г. Не откажите помѣстить въ вашемъ уважаемомъ журналѣ слѣдующую замѣтку: прочитавъ въ „Театръ и Искусствъ“ за № 30 коллективное письмо за подписью артистовъ труппы г. Гедике, я какъ принадлежавшій къ этой труппѣ и уѣхавшій до составленія коллективнаго письма, считаю своимъ нравственнымъ долгомъ присоединить и свою подпись.

Пр. и пр. *М. И. Смоленскій.*

Саратовскія письма.

Кончается лѣтній сезонъ. Обоимъ театрамъ, Общедоступному и Очкинскому, онъ принесъ много хлопотъ и мало выгоды. Прежде всего пришлось считаться съ кинематографами; и у насъ ихъ появилось такое множество, что не перечтешь. Къ тому же директора новѣйшаго рода зрѣлищъ проявили недюжинные таланты въ дѣлѣ рекламнаго искусства. Особенно отличились нѣкіе иностранцы, прибывшіе „на собственныхъ локомотивахъ“ прямо изъ Парижа“. Арендовать большое помѣщеніе Никитинскаго цирка, они поставили около него свои „локомотивы и автомобили“, пустили по городу расписной экипажъ съ зазывательными надписями и начали собирать съ обывательскихъ массъ весьма приличную мзду. Кинематографъ дѣлалъ сборы, а театры пустовали. Стыдно, обидно, но что же дѣлать!.. Обыватель слабъ не только на сплетни, но вообще на новости.

Однако, локомотивъ локомотивомъ, а только и самъ г. Панормовъ, директоръ Очкинскаго театра, не мало виноватъ въ неуспѣхѣ своего дѣла. Согласитесь, что привезти въ большой городъ труппу числомъ поменьше и цѣною подешевле—зна-

Сидятъ на землѣ: г-жи 1) Черская, 2) Визацова, 3) Озерская, 4) г. Добжинскій, 5) г-жа Лидина, 6) г. Орлицкій.
Сидятъ на стульяхъ: 7) г. Шибб, 8) г-жи Рутковская, 9) г-жи Лоиская, 10) Витязевская, 11) Живрильскій, 12) Кошова, 13) Муратова. 14) Ботцапи,
15) г. Воложковъ.
Стоять: г-да 16) Рацищевъ, 17) Шерштейнъ, 18) Голосъ, 19) Леона, 20) Рутанка (суперъ), 21) декораторъ Ларинъ, 22) Брынский, 23) Предсѣдатель
Совета Стариннаго театра, временно и. д. распорядителя В. А. Горнякъ. 24) Залесовъ, режиссеръ, 25) Ю. В. Соболевъ, сотрудникъ г-а „Сура“, 26) Ле-
гаровъ, помощникъ режиссера, 27—32) рабочіе. Фотографъ Б. И. Валдманъ.

Труппа Пензенскаго Народнаго Театра (сезонъ 1908 г.).

читать заранее обрежь себя на невниманіе. На что же рассчитывать? На репертуаръ? Да какой же репертуаръ пойдетъ съ актерами, либо начинающими карьеру, либо безнадежными отъ начала карьеры? Не позаботился г. Панормовъ и объ обстановочной части. Декорации, разные павильоны, мебель, вся внѣшняя сторона была-бы сносной въ нашемъ уѣздномъ городѣ Аткарскѣ, но не въ Саратовѣ, не въ театрѣ центрального района. Конечно, публика сразу предубѣжденно отнеслась къ труппѣ изъ невѣдомыхъ именъ. Пришлось возложить чаянія на гастролеровъ, но и они мало помогли. Приѣхалъ г. Глаголинъ и, въ силу симпатій, приобретенныхъ артистомъ среди публики за время службы въ городскомъ театрѣ, могъ-бы значительно повысить сборы; но тутъ повредила претенциозность самого гастролера. Незыблима эта страсть нѣкоторыхъ русскихъ актеровъ—играть не свое, дѣлать чужое дѣло. Страсть, которая, вмѣсто желанной оригинальности, даетъ впечатлѣніе оригинальничанья Г. Глаголина три года назадъ хорошо игралъ въ томъ же Саратовѣ героевъ молодыхъ, неврастеничныхъ и нервничающихъ. Теперь онъ, съ успѣхомъ сыгравъ „Семнадцатилѣтнихъ“, пожелалъ показать *свое* исполненіе въ „Гамлетѣ“ и въ „Жаннѣ д'Аркъ“. Вышло просто несуразно. Гамлетъ Глаголина стеналъ, плакалъ, взвизгивалъ и все почему-то падалъ на полъ. Монологъ „Быть или не быть“ проведенъ сплошь на полу и въ слезливомъ тонѣ мальчика, котораго до истерики напугала тѣнь отца. Пожалуй, получился олинъ изъ тѣхъ „гамлетиковъ“, о какихъ писалъ покойный Н. К. Михайловскій, но не величавая фигура Шекспира. А „что имѣлъ предъявить“ г. Глаголинъ въ Орлеанской дѣвѣ—это ужъ совсѣмъ невозможно разгадать. Не знаю, какъ исторически; г. Глаголину, искавшемуся въ своей монографіи до отсутствія „менструаций“ у Жанны,—и всѣ учебныя книги въ руки. Но по-шиллеровскій этакая игра—просто бѣда. Одно можно сказать: съ такой неудержимой страстью объять необъятное и во что-бы то ни стало представить образъ дѣвушки—дѣло далеко не пойдетъ. Молодой артистѣ, не лишенный своеобразнаго дарованія, долженъ разъ навсегда отказаться отъ подобныхъ затѣй.

Послѣ г. Глаголина приѣхалъ М. М. Петипа. И тоже почтенный артистъ началъ съ чужой роли, съ Чацкаго. Затѣмъ шли: „Донъ-Жуанъ“, „Гувернеръ“, „Ревизоръ“ и др. М. М. Петипа все тотъ же живой, увлекательный мастеръ. Длань времени все еще шадитъ талантливаго „молодого комика“. Финансовыя дѣла г. Панормова стали поправляться и въ то время, когда пишу эти строки, вышелъ анонсъ—„Петипа остается еще на нѣсколько спектаклей“. Затѣмъ предполагается приѣздъ г. Орленева.

Общедоступный театръ съ весны перешелъ отъ Н. И. Соболевскаго къ В. А. Марковскому. Въ числѣ условій передачи было и то, что артисты, законтракованные г. Соболевскимъ до сентября, остаются до означеннаго срока въ

труппѣ г. Марковскаго. Это нѣсколько стѣснительно для новаго антрепренера, но за то справедливо по отношенію къ артистамъ. Приглашеніемъ пяти новыхъ членовъ Марковскій замѣтно усилилъ труппу и дѣло могло-бы идти хорошо. Но черезъ мѣсяцъ явилось неодолимое *идеологическое* въ веденіи идейнаго репертуара, какъ предполагалъ новый антрепренеръ. Администрация не разрѣшила поставить нѣсколько выдающихся пьесъ и отъ строгой идейности пришлось отказаться. И то ужъ хорошо, что на сцену Общедоступнаго театра все-таки не попадаютъ творенія „отрицательнаго“ содержанія.

Въ труппѣ г. Марковскаго до 30 членовъ. Спектакли идутъ 5—6 разъ въ недѣлю. При достаточномъ стараніи на репетиціяхъ и занимая всѣ главныя силы, можно обставлятъ и сложныя пьесы съ успѣхомъ, соотвѣтственно среднимъ требованіямъ. Такъ и было. „Горе отъ ума“, „Ревизоръ“, „Плоды просвѣщенія“, „Власть тьмы“,—если въ такихъ отвѣтственныхъ вещахъ труппа не заслуживаетъ укора, если ужъ въ этихъ произведеніяхъ обходится безъ рѣжущихъ промаховъ, то, значитъ, вести дѣло съ такими исполнителями можно. Тотъ кадоу главныхъ силъ, къ которому примыкаютъ силы вторыя и третья до молчаливыхъ помощниковъ включительно, былъ у г. Марковскаго достаточный числомъ и надежный по качеству. Кадръ этотъ состоялъ изъ гг. Чаевой, Радиной, Ромаскевичъ, Павловской, Лариной, Марковскаго, Правдина, Галль-Савальскаго, Фабіанскаго, Гурова, Юрьева и Кочеткова. Съ точки зрѣнія тѣхъ требованій, какія можно предъявлятъ къ Общедоступному театру, существующему безъ субсидій и безъ всякой посторонней помощи, перечисленная группа исполнителей была, вообще говоря, на высотѣ тяжелыхъ обязанностей.

Материальныя дѣла новой дирекціи въ срединѣ лѣта были очень неважны. На поправку они пошли съ конца іюля; теперь сборы ниже средняго не бываютъ, а въ праздники и на бенефисахъ—полно. Этотъ большой и лучшей театръ въ городѣ имѣетъ прекрасное будущее съ открытіемъ уже строящагося трамвая.

Зимній сезонъ въ Общедоступномъ или, какъ здѣсь говорятъ, въ „народкѣ“ начнется съ 15-го сентября. Труппа почти вся будетъ новая. Изъ нынѣ дѣйствующихъ остаются, кажется, только Чаева и Ромаскевичъ, да самъ г. Марковскій. Изъ извѣстныхъ театральнымъ кругамъ артистовъ уже приглашены г. Карамазовъ и С. А. Свѣтловъ.

Во всѣхъ трехъ театрахъ зимой (въ городскомъ—до декабря) будетъ драма. Какъ подѣлитъ свои симпатіи публика—увидимъ.

24 августа,

К. Саражановъ.

О принципахъ новаго театра *).

(Письма К. С. Станиславскому).

Съ Чеховымъ — родилась новая драма. Драма безъ героевъ—вѣрнѣе съ единственнымъ героемъ, которому имя «жизнь». Будни «белоголото жизни»... Въ этихъ пьесахъ—не было *вышривныхъ мыслей*, «красочныхъ пятенъ»... того, что зовется сценическимъ дѣйствіемъ въ старомъ смыслѣ этого слова. Сплошной сѣрый фонъ, на которомъ двигаются по своему яркія—но окрашенные въ тона того же фона—фигуры. Запыленные на немощныхъ улицахъ города, гдѣ «собаки съ ума сходятъ».

Для дѣятеля театра съ новой драмой открывалась необходимость совершенно новыхъ путей сценической передачи. Оказалось необходимымъ передать то, что существенно отличало новую драму отъ старой: настроеніе, мелкія неровныя движенія—неуловимыя и тонкія, изъ какихъ складывается жизнь «запыленныхъ». Осенній дождикъ... Тоскливый холодъ—скучной осени. Шелканье счетовъ въ дядѣ Ванѣ. Передать «фонъ».

Осуществить эту задачу—новую и нелегкую взялъ на себя театръ Станиславскаго. Основной принципъ новыхъ постановокъ былъ оригиналенъ и вѣренъ. Режиссеръ—старался отыскать, такъ сказать, музыкальный тонъ и темпо—дѣйствія и затѣмъ строя пьесу однообразно, — «однозвучно» въ этомъ тонѣ и темпо создавалъ извѣстнаго рода музыку, «сценическую симфонію».

Это былъ гипнозъ ритмомъ рѣчи и цвѣтомъ движенія и рѣчей. Нѣчто очень близкое голландскому интимизму въ живописи.

Рядомъ съ этимъ звуковымъ аккомпаниментомъ, ритмической интимацией театръ дѣйствуетъ средствами болѣе внѣшняго, механическаго свойства. Своимъ декоративнымъ реализмомъ, гдѣ настроеніе «фабрикуется» изъ мелочей бутафорскаго характера. Надоѣдливый стукъ настоящаго дождя—вѣтеръ въ трубѣ и т. п.

Какъ бы ни были различны взгляды на приемы театра, несомнѣнно театръ Станиславскаго—что-то уловилъ и что-то давалъ. Начало сценическому «обобщенію» было положено. Введена существенно цѣнная идея «лейтъ-мотива». Но конечно не нужно скрывать, что въ чеховскихъ постановкахъ оказались стороны, которыя тянули театръ къ паденію. Несомнѣнно театръ грозилъ уничтоженіемъ «актера».

На первыхъ порахъ—созданія новаго театра «настроеній» естественно было—быть нѣсколько близорукимъ и одностороннимъ. И въ этой односторонности лежала опасность для актера. Для передачи настроенія нуженъ былъ ансамбль, возведенный въ квадратъ, однотонность и одноцвѣтность игры. Все должно было быть сѣрымъ. При этихъ условіяхъ—ярко-индивидуалистическая игра казалась ненужной и даже, пожалуй, опасной. *Подъемъ* долженъ былъ казаться крикомъ.

И вотъ незамѣтно этотъ культъ «ансамбля», подавленіе индивидуальности во имя вѣрности «общей окраскѣ» пьесы вели къ гибели сценическаго таланта. Искусственно и насильственно «сдавленнаго» предписаннымъ тономъ. Въ то же время, новый реализмъ (декорація и бутафорія), введенный, какъ средство подготавливать «настроеніе», былъ способенъ слишкомъ выдвинуться впередъ, занять совсѣмъ неподобающее мѣсто.

Мы видѣли, что театръ Станиславскаго одно время склоненъ былъ двинуться къ культу «аксессуару»

ара» къ обожанію бутафорскихъ мелочей. Нечего и говорить—свѣй смыслъ имѣли и эти мелочи.

«Чеховская же драма—пишетъ Иорданскій, разрабатываетъ проблемы не индивидуальной, а коллективной души русскаго обывателя, блуждающаго въ предреволюціонной полутьмѣ. «Я» еще не кристаллизуется въ этой аморфной массѣ; оно... пока сливается съ окружающимъ внѣшнимъ міромъ, съ бытовыми условіями. Поэтому, создавая чеховскій театръ даже необходимо было сосредоточить такія выдающіяся усилія на передачѣ внѣшней обстановки. Тамъ, гдѣ человекъ не обособился еще отъ окружающаго внѣшняго міра, гдѣ царитъ стихійная слитность сознательной и безсознательной жизни,—тамъ внѣшняя обстановка является на сценѣ столь же равноправнымъ актеромъ, какъ и человекъ. Истинно тульскія лапти и настоящія газеты восьмидесятыхъ годовъ, «поставленные» г. Станиславскимъ, ...имѣли свое основаніе. Сверчки, унылыя дождевыя капли, скрипящія двери, старые дома и запущенные парки—такія же дѣйствующія лица чеховской драмы, какъ и живыя существа.» (Н. Иорданскій).

Но реализмъ грозитъ стать фокусническимъ и даже сталъ имъ, а какъ таковой, онъ не поддерживалъ, а разрушалъ музыку найденнаго сценическаго ритма. Частности отвлекали и зрителя и режиссера отъ общаго. Оказывалась нужной новая работа. Являлся вопросъ, какъ *внутренними средствами*, безъ бутафоріи передать сценическую атмосферу, внутреннюю сущность сценическаго событія, душу новой пьесы и ея героевъ!..

И съ другой стороны: какъ предупредить «погашеніе актера», т. е. иначе какъ найти способъ согласить «индивидуальность» съ необходимостью опредѣленнаго общаго ритма и тона въ пьесахъ, гдѣ главное въ «атмосферѣ».

Поиски отвѣтовъ на эти два вопроса привели къ ложному (по моему мнѣнію) театру Мейерхольда и ведутъ къ истинному—будущему театру Станиславскаго.

Отвѣтъ Мейерхольда былъ намѣченъ въ его возраженіяхъ Станиславскому, острыхъ, и очень «нужныхъ».

Мейерхольдъ разбираетъ постановку «Вишневаго сада». Въ этой постановкѣ—по Мейерхольду—Станиславскій мелочами нарушилъ гармонию пьесы и «погасилъ», затушевалъ ея мистическую сущность. Особенно онъ недоволенъ длинной «реалистической» сценой съ фокусами въ 3 актѣ.

«У автора, пишетъ Мейерхольдъ, такъ: лейтъ мотивъ акта—предчувствіе Раневской надвигающейся грозы (продажа сада)... Всѣ кругомъ живутъ какъ то тупо, довольные—они пляшутъ подъ монотонное побрякиваніе еврейскаго оркестра и, какъ въ кошмарномъ вихрѣ, кружатся въ скучномъ современномъ танцѣ, въ которомъ нѣтъ ни увлеченія, ни азарта, ни граціи, ни даже... похоти,—не знаютъ, что земля, на которой они пляшутъ, уходитъ изъ-подъ ихъ ногъ. Одна Раневская предвидитъ Бѣду и ждетъ ее, и мечется, и на минуту останавливаетъ движущееся колесо, эту кошмарную пляску маріонетокъ въ ихъ балаганчикѣ. И со стономъ диктуетъ людямъ преступленія, только бы они не были «чистюльками», потому что черезъ преступленіе можно прийти къ святости, а чрезъ срединность—никуда и никогда».

Отсюда такая гармонія акта: стонъ Раневской съ ея предчувствіемъ надвигающейся Бѣды—съ одной стороны и балаганчикъ маріонетокъ съ другой.

Не даромъ—говоритъ Мейерхольдъ, Чеховъ заставляетъ Шарлотту плясать среди «обывателей» въ костюмѣ, излюбленномъ въ театрахъ маріонетокъ—

черный фракъ и клѣтчатые панталоны. Если перевести на музыкальный языкъ, это одна изъ частей симфоніи. Она содержитъ въ себѣ: основную то-скую мелодію съ мѣняющимися настроеніями въ *ritardando* и вспышками въ *forte* (переживанія Раневской) и *fondo* — диссонирующій аккомпаниментъ — однотонное бряцаніе захоластнаго оркестра и пляска живыхъ труповъ (обыватели). Такимъ образомъ, сцена съ фокусами составляетъ лишь одинъ изъ визговъ этого диссонирующе-врывающейся мелодіи глупой пляски. Значитъ, она должна — слитная со сценами танцевъ — лишь на минуту врываться и снова исчезать, снова сливаться съ танцами, которые, какъ фонъ, однако, могутъ *все время* звучать въ глухихъ аккомпаниментахъ, но только, какъ фонъ.

Режиссеръ Художественнаго театра показалъ, какъ гармонія акта можетъ быть нарушена. Онъ изъ фокусовъ *дѣлаетъ цѣлую сцену* со всякими подробностями и штучками. Она идетъ продолжительно и сложно. Зритель долго сосредоточиваетъ на ней свое вниманіе и теряетъ лейтмотивъ акта. И когда актъ оконченъ, въ памяти остаются мелодіи фона, а лейтмотивъ потонулъ, исчезъ.

Лирико-мистическая сущность драмы утеряна.

Я привожу эту длинную выдержку, потому что, по моему мнѣнію, ничего нельзя было бы сказать лучше, если бы только не знать, что *это говоритъ Мейерхольдъ*, и что *Вьда* — написана съ большой буквы не по ошибкѣ наборщика.

Чеховъ — музыка. Это правда. Чеховъ можетъ и долженъ съ режиссерской точки зрѣнія разсматриваться, какъ симфонія и музыкальное соотношеніе частей, особенно въ такой пьесѣ, какъ «Вишневый садъ» должно быть *уловлено и передано*.

Музыкальный фонъ — *piano* и *forte*.

И потому?.. За *Мейерхольдомъ* и конечно противъ всего, что ненужно; излишне загораживаетъ суть, душу пьесы.

За *Мейерхольдомъ*, пока онъ не иллюстрируетъ своихъ выводовъ, постановкой, сценическимъ *дѣломъ*. А здѣсь съ нимъ — будущему дѣятелю театра не подорогъ.

Вьда съ большой буквы. Здѣсь несчастіе. Намекъ на Шарлотту въ костюмѣ театра маріонетокъ — *другое несчастіе*.

Не позволительно сочинять трагедію тамъ, гдѣ ее нѣтъ, и передѣлывать насиліемъ весь театръ въ трагическій.

Роковое начало въ новой мистической драмѣ?..

Чеховская драма не трагедія и такъ трактоваться не можетъ. Чеховъ не трагедія. Одна половина трагедіи здѣсь — у Чехова — пожалуй — на лицо... Та, которая соотвѣтствовала бы классической «*μοῖρα*» или «*ἀνάγκη*».

Этотъ герой трагедіи здѣсь есть. Именно — онъ отравленное болото жизни — съ его кошмарами.

Этотъ герой трагиченъ, божествененъ, потому что властенъ.

Но вторая половина? Люди? Нужно сознательно закрывать глаза, чтобы не видѣть, что это не персонажи трагедіи, что они по мысли автора и не должны, и не могутъ быть безъ разрушенія пьесы «возведены въ этотъ рангъ».

Трагическое въ нихъ — сознательно *распылено* авторомъ, разбросано и даже сознательно отодвинуто отъ зрителя, и собирать это трагическое, синтезировать его не въ обстановкѣ пьесы, декорации, а въ персонажахъ ея, въ ихъ сценической обрисовкѣ, значитъ дѣлать работу диаметрально противоположную замысламъ авторовъ.

Съ этимъ синтезомъ стирается въ жизнь каиново клеймо пошлости, какое наложилъ на эту жизнь Чеховъ.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Мѣсяцъ въ деревнѣ“.

Бѣляевъ (г. Ходотовъ).

Ракинъ (г. Далматовъ).

Въ «Вишневомъ садѣ» есть еще кое-что особенное — дѣйствительный налетъ трагическаго. Чеховъ влюбленъ въ садъ, и заставляетъ зрителя влюбиться въ него до галлюцинаціи.

Запахъ расцветающей вишни слышно...

Это своего рода романтизмъ, поэзія элегіи, ворованная въ пьесу — придаетъ ей двойственный характеръ, своеобразно и двойственно окрашиваетъ Раневскую, смягчаетъ и выгодно для нея освѣщаетъ типъ. Но до трагедіи здѣсь далеко. Все здѣсь кошмарно и страшно, но и здѣсь все-же комедія.

Комедія хотя бы потому, что герой-то — *не благоухающій садъ* — къ которому прилипла душа Раневской — *а садъ, проданный Етходову и вырубленный имъ на дрова*.

Не знаю, понятенъ ли я?..

Суть пьесы — все-таки въ «рожахъ», какія видитъ андреевскій Тюха, въ характеристикѣ жизни, потому и странной, что герои ея, — *трагедіи этой жизни не вѣщаютъ*.

Элегія на тему: «Вишневый садъ» — дополнительная мелодія — меланхолическій *requiem* къ тому самому герою — какой и въ «Трехъ сестрахъ». Имя ему — разлагающая жизнь. А обрисовка этого героя у Чехова всегда не трагическая.

Трагедія, повторю, расплыла, каиново клеймо, какъ антихристово число 666 у безпоповцевъ, написано по всѣмъ и концентрація трагедіи, напр. въ Раневской, дѣлаетъ съ пьесой, то, что сдѣлалъ Мейерхольдъ съ Геддой Габлеръ, исключаетъ, а не выдвигаетъ ея подлинную сущность.

Мы угадываемъ, какую форму приняла бы постановка 3-го акта у Мейерхольда, что бы вышло изъ его мистически-трагической трактовки акта и маріонеточнаго костюма Шарлотты?

Въ его постановкѣ 3 актъ сталъ бы похожъ на 3 актъ «Драмы жизни» Гамсуна, вещи дѣйствительно и ясно трагической.

Изъ танцевъ въ усадьбѣ Раневской получился бы танецъ чумныхъ на ярмаркѣ изъ гамсуновской пьесы. Или танецъ «маріонетокъ» на балу изъ «Жизни чловѣка». И все это было бы ложь, которая сдѣлала бы изъ бытовой драмы маленькой жизни

маленькихъ людей интернаціональную «лирическую» трагедію. Драма русской обыденщины подмѣнилась бы трагедіей отдѣльной «произвольно окрашенной души». Въмѣсто того, чтобы сдѣлать музыку, душу пьесы болѣе слышной—освободить ее отъ лишнихъ заплатъ, наложенныхъ реализмомъ Станиславскаго, разыгралась бы музыкальная пьеса совсѣмъ другого стила.

Михаиль.

(Окончаніе слѣдуетъ).

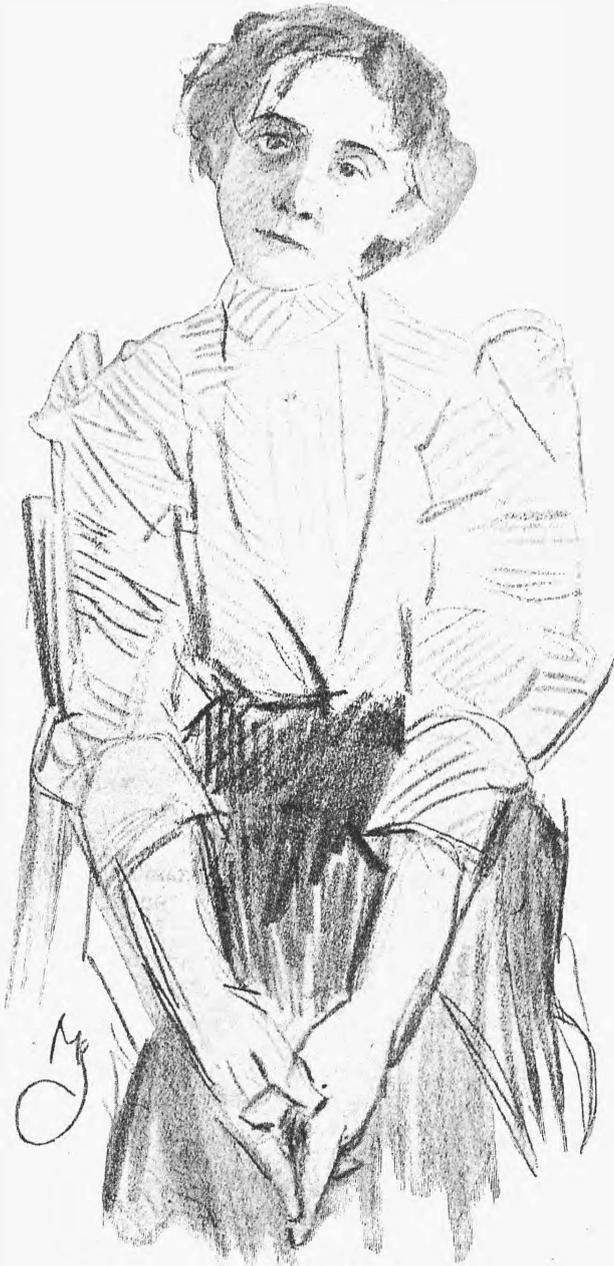
— + —

Малехкая хрохика.

*** Выборъ въ будущія балерины. Эту картинку, какъ цвѣтеніе Викторіи-Регіи, можно видѣть лишь разъ въ годъ. И то не каждый: въ прошломъ голу пріема дѣвочекъ не было, и поэтому нынѣ онѣ явились въ двойномъ комплектѣ. Сто пять желающихъ на 10 вакансій.

Изъ этой сотни убавимъ путемъ медицинскаго осмотра

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТ.-ХУДОЖЕСТВ. ОБЩЕСТВА.

„Казенная квартира“.

Татьяна (г-жа Кирова). Рис. М. Слѣпана.

добрую четверть, но все-таки на пріемъ явилось 79 кандидатокъ въ будущія Тальони.

Утро, часовъ 10, а уже залы училища наполняются. Дѣвочки разряженные и завитыя.. Слышится, кромѣ русской рѣчи, мѣстами польская, нѣмецкая, даже французская.

Съ восемью десятками кандидатокъ, по крайней мѣрѣ, сотни двѣ сопровождающихъ. Отъ нечего дѣлать разговариваютъ, знакомятся, „освѣдомленные“ передаютъ балетныя сплетни позднѣйшей фабрикаціи.

Наконецъ, проходитъ начальство со свигой, докторъ, преподаватели, а затѣмъ классная дама, которая, поставивъ попарно дѣвочекъ, уводитъ ихъ внизъ.

— Нельзя ли и мнѣ съ Шурочкой? — проситъ одна изъ дамъ,—она такая робкая.

— Нельзя, сударыня, не имѣю права.

Даму оттираютъ. Слышатся напутствія,—отрывочныя фразы: „Обдерни платьице-то“... „Не забудь показаться Михаилу Петровичу“... „Не горбись“... и т. д.

Шестіе скрывается. Вслѣдъ за симъ уводятъ и мальчиковъ.

Долгое, долгое отсутствіе. Разсказаны другъ другу біографіи всѣхъ танцовщицъ, даже ихъ покровителей, привычки всѣхъ учителей. Скучно.

— Господи, сколько времени ожидаемъ, и навѣрное зря,—волнуются дамы.

— Ожиданія! громко баситъ какой то родитель. Окружающіе дѣлаютъ на всякій случай видъ, что съ нимъ незнакомы.

Въ самомъ святилищѣ идетъ въ это время выборъ. Приведенныхъ разбиваютъ на кучки по 5 человекъ, всего 16 кучекъ и каждую партію осматриваютъ по очереди. Въ рукахъ кое-кого изъ пріемщиковъ появляются таинственныя „шпарголки“, но всѣ дѣлаютъ видъ, что имъ безразлично все окружающее.

Вскорѣ, изъ всей массы остается человекъ 25. Не выдержавшихъ первой марки, болѣе полусотни, отправляютъ нзверху, къ родителямъ.

Начинаются первыя слезы.

Предстоитъ для оставленныхъ послѣднее испытаніе: изъ 25 надо взять только 10.

Взято не 10, а оказывается 14. Еще три „по приказанію“, а одна изъ театральнаго пріюта. „Савина просила“, слышится голосъ.

Съ мальчиками дѣло проще: подано прошеній 14, выбрано 7, да еще 2 „по приказанію“.

*** Среди немногихъ принятыхъ въ балетную школу, оказалась 13-лѣтняя дочь покойной М. Н. Воронцовой-Ленни. Дѣвочка жила у артистки, г-жи Станилевичъ; въ расходахъ на воспитаніе сиротки принимала участіе С. Ф. Сабуровъ.

*** Изъ интервью „Петербургск. Газеты“ съ В. А. Теляковскимъ. Г. директоръ надѣется, что г. Мейерхольда „осадятъ“ въ Александринскомъ театрѣ.

Поэтому установится та художественная середина, которая и нужна для сцены.

Взять несоединимое и взболтать—и называется „художественная“ середина.

Интервьюеръ спросилъ г. Теляковскаго насчетъ „всероссийской антрепризы“.

„Я думаю, замѣтилъ г. Теляковскій, что Театральное Общество задается цѣлями иногда неосуществимыми“.

*** Новоявленный Тамань. Объявился „новый Тамань“—летербургскій присяжный повѣренный г. Оппель. Въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ онъ „при всей своей скромности“ заявилъ, что въ Италіи его признали за „настоящаго Тамань“. Итальянцы „умоляли“ его приняться за изученіе опернаго репертуара, но онъ пока еще не рѣшилъ окончательно промѣнять адвокатуру на карьеру пѣвца. Во всякомъ случаѣ, г. Оппель уже принялъ предложеніе концертровать въ Триестѣ, Каирѣ, Парижѣ съ платой по 2,000 (!) р. за концертъ. Мели Емеля...

*** Приводимъ почти неизвѣстное письмо И. С. Тургенева къ Щепкину, которое добылъ недавно оренбургскій музей. Письмо написано изъ Парижа въ 1848 году. Въ письмѣ этомъ Тургеневъ, между прочимъ пишетъ:

Мнѣ хочется узнать, какъ вамъ понравился мой „Нахлѣбникъ“, и возьмете-ли вы его въ свой бенефисъ? Пріятель нашъ Г., которому я читалъ мою комедію, сдѣлалъ два небольшихъ замѣчанія, которыя просилъ меня сообщить вамъ (и съ которыми я совершенно согласенъ). Во-первыхъ, онъ находитъ, что Кузовкину не слѣдъ носить дворянскій сютукъ, а частный, а во-вторыхъ, онъ въ сценѣ, гдѣ Елицкій выходитъ отъ жены, уже все узнавши, и видитъ, что Триачевъ забарляется надъ Кузовкинымъ—въ словахъ: „Да-съ, Флегонтъ Александровичъ, я, признаюсь, удивляюсь: что вамъ за охота съ вашимъ воспитаніемъ, съ вашимъ образованіемъ заниматься такими, смѣю сказать, пустыми шутками“—предлагаетъ: „смѣю сказать“ замѣнить фразой „извините за выраженіе“ (потому что, по его мнѣнію, „смѣю сказать“ не идетъ въ устахъ петербургскаго чиновника). Я съ нимъ вполне согласенъ, притомъ же это такая мелочь, что я бы устыдился писать вамъ о ней, если-бы онъ этого не потребовалъ“.

Адреа Никколи.

(Изъ заграничныхъ впечатлѣній).

Мнѣ повезло. Скучая въ маленькомъ кафе Биффи, въ галлерей Виктора-Эммануила, я случайно замѣтилъ висящій громадный анонсъ: Nicòli. Анонсъ былъ рекламнаго характера, какъ въ циркѣ или въ кафе-шантанѣ.

На красномъ полѣ 7 громадныхъ бѣлыхъ буквъ, и среди нихъ три клоунскихъ рожи.

Это были три портрета Никколи.

Знакомое имя! Сталь припоминать, и вспомнилъ: да вѣдь это Андреа Никколи, изъ Тосканы, тотъ самый Никколи, о которомъ года два назадъ, кажется, написалъ восторженную статью въ «Театръ и Искусствъ» А. В. Амфитеатровъ. Помню, какъ онъ восхищался его гениальностью, и говорилъ какъ о необыкновенномъ артистѣ.

Неужели тотъ самый? А намалеванныя, гримасничающія рожи, въ клоунской шапочкѣ?! Рѣшилъ пойдти, и ждалъ вечера съ невѣроятнымъ волненіемъ.

У входа въ галерею, со стороны площади Scala, виситъ доска съ афишками всѣхъ театровъ. Ищу, гдѣ играетъ Никколи;—нашелъ. Афиша гласитъ: въ театрѣ Ueroli — Compagn. Comica Toscana R. Landini, diretta dall'artista Andrea Niccòli, во вторникъ 1-го сентября 1908 г. въ 21-мъ часу *). будетъ представлено «Il delitto del Ponte di Ripetta, dramma in 5 atti di Pontecchi».

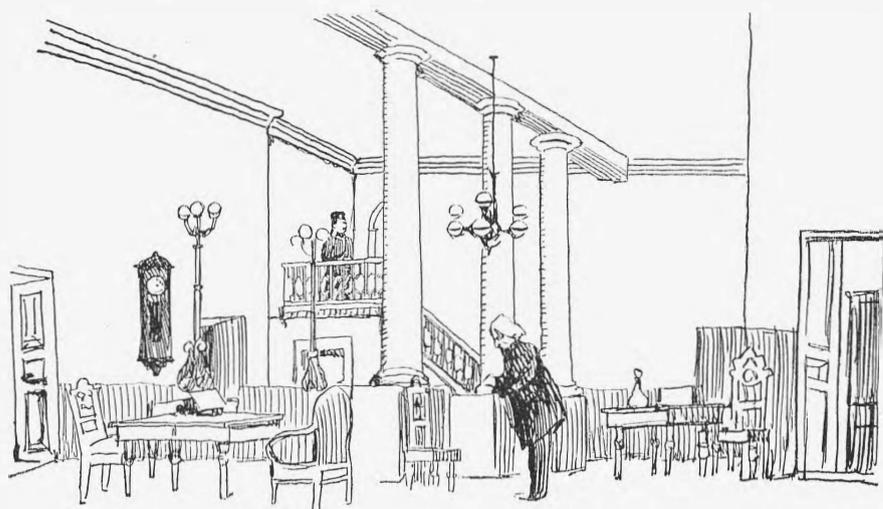
Въ три четверти 21-го часа (девятого веч.) я уже былъ въ театрѣ.

Театръ Верди помѣщается въ демократической части Милана—Тичинезе; театръ небольшой, трехъярусный, очень скромно отдѣланный. Театръ скорѣе народный; правда, въ ложахъ и партерѣ сидитъ публика побогаче, но въ общемъ преобладаютъ средній и трудящіяся классы. Цѣны очень дешевыя: ложи по 6 фр., партеръ 1 фр. 10 сантим., амфитеатръ 75 сантим., второй и третій ярусъ 50 и 35 сантим. Несмотря на то, что въ этотъ вечеръ труппа Никколи выступала въ первый разъ, по возвращеніи изъ Америки, театръ былъ далеко не полонъ.

Публика сидѣла въ шляпахъ, шумѣла, галдѣла, перекликалась и даже «курила». Гарсонъ разносилъ въ партерѣ желающимъ кофе, вино, пиво, и ставилъ ихъ тутъ-же на имѣющіяся при креслахъ подставки. Вначалѣ это ужасно шокируетъ; куренье сидѣнье въ шляпахъ, всѣ эти consuetudini—все это кажется признакомъ величайшаго неуваженія къ артистамъ и театру. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ: просто таковы традиции, итальянцы къ этому привыкли, и артисты не обижаются.

Правда, въ вестюбилѣ театра виситъ инструкція полиціи со многими параграфами, гдѣ куренье, сидѣнье въ шляпахъ и пр. подъ жестокимъ штрафомъ воспрещается, но безпечные южане мало за-

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА.

„Казенная квартира“ В. Рышкова, декор. 2 и 3 акта. (Рис. М. Слѣпана).

ботятся о свирѣпыхъ параграфахъ, продолжаютъ курить... и театры не горятъ.

Пять минутъ до начала. Публика начинаетъ свистать, хлопать, кричать. «Пора!» «Начинайте!» Въ ярусахъ стучать, поютъ, воютъ... вообще вездѣ оживленіе полное, шумъ и гомонъ невѣроятный!

Въ оркестрѣ сидятъ семеро: двѣ скрипки, 2 трубы, двѣ флейты и одинъ пианистъ, и, не смотря на малочисленность, сыграли какую-то увертюру прелестно. Впрочемъ, вѣдь это въ Миланѣ; попробуйте сыграть скверно, или сфальшивить—публика себя покажетъ!

Занавѣсъ поднялся. Обстановка на сценѣ мизерная, декорация потрепаная; все убранство богатаго салона составляли столъ, 3 старыхъ кресла, мольбертъ и двѣ картины, стоявшія по угламъ. Начало не предвѣщало ничего добраго, и я уже готовился къ невѣроятно скверному ансамблю бродячей труппы, которыхъ въ Италіи—большинство.

Но я былъ пріятно разочарованъ.

И вотъ мнѣ хочется передать свои впечатлѣнія, не вдаваясь въ критику и подробныя разсужденія по существу.

Теперь въ театрѣ переоцѣнка цѣнностей: ищутъ новыхъ путей, отметають старое, спорятъ о первенствѣ на сценѣ актера, режиссера, писателя, возобновляютъ старинный театръ, создаютъ театръ будущій, иногда попутно комка настоящій.

И вотъ мнѣ показалось весьма заманчивымъ вернуться въ «публику», и посмотреть театръ прошлаго. Хотѣлось провѣрить: что оно, никуда уже не годится, это прошлое? Очень оно уже наивно? Потерялъ-ли прошлый театръ свое значеніе для зрителей, или у него сохранилась связь съ ними? Какъ играютъ актеры, предоставленные только себѣ, не получая помощи ни отъ блестящихъ декораций и стильной обстановки, свѣтовыхъ эффектовъ et cetera, а имѣя въ своемъ распоряженіи только текстъ и... талантъ?

На все это отвѣтилъ мнѣ описываемый спектакль.

Что труппа бродячая и второго сорта, это бросалось въ глаза. Поношенные туалеты, безвкусные цвѣта, яркіе галстуки и жилеты—все это говорило о глухой провинціи... Но играли безподобно!

Отличный общій тонъ, превосходныя интонаціи, великолѣпная дикція, и удивительное благородство игры. Ни вскрикиваній, ни шумныхъ вздоховъ, ни

*) Въ Италіи часы считаются какъ сутки, отъ 1—24.

скрежета зубовнаго, ни нажима въ комическихъ мѣстахъ.

Пьеса оказалась отчаянной мелодрамой, допотопныхъ временъ; въ сравненіи съ ней «Двѣ Сиротки» Шекспировское произведеніе. Но искренность, простота и глубокая проникновенность заставили забыть и бессмысленно-наивный сюжетъ, и убогую жалкую обстановку. Играли всѣ прекрасно, но Никколи дѣйствительно гениленъ. Онъ меня потрясъ своей игрой; я, въ буквальномъ смыслѣ слова, не дышалъ. Я не зналъ, смѣяться-ли мнѣ, или плакать; онъ игралъ комическую роль, но были моменты, когда я чувствовалъ, какъ что-то подступаетъ къ горлу. Никколи собственно актеръ фарсовый, сверхъ-фарсовый, фарсъ можно вознести на благородную высоту трагедіи. Фарсъ Никколи—не во внѣшнихъ приемахъ, не въ движеніяхъ, не въ подмигиваніяхъ; Никколи говоритъ спокойно, на низкихъ нотахъ, почти не повышая тона, но вы смѣетесь до коликъ. И тутъ-же, тѣмъ-же тономъ, такъ-же спокойно Никколи говоритъ какую-нибудь фразу, и театръ не дышитъ; шумливые итальянцы замираютъ, и у всѣхъ на глазахъ слезы. У Никколи едва уловимыя движенія, жесты, полные такой тонкости, такой прелести, что для васъ становится очевиднымъ, какъ безконечно разнообразно и своеобразно искусство актера въ зависимости только отъ его индивидуальности!

Въ концѣ мелодрамы Никколи—въ тюрьмѣ; его ждетъ гильотина. Онъ задумался. Къ нему подходит монахиня, окликаетъ его; Никколи вздрагиваетъ, и чуть замѣтно проводитъ пальцами по шеѣ, точно убѣждаясь, что ножъ еще не коснулся ея. Этотъ жестъ былъ сдѣланъ такъ легко, тонко, такъ, скажу даже, мало-замѣтно,—а между тѣмъ онъ раскрылъ все внутреннее состояніе Никколи въ данную секунду лучше и понятнѣе, чѣмъ это могли сдѣлать болшіе монологи и усиленные тѣлодвиженія. И такъ во всемъ. Въ первомъ актѣ Никколи оборванъ, голоденъ, (онъ играетъ Стен-терелло, неудачника-юмориста, любимый типъ итальянцевъ). Его усадили за обѣденный столъ, и надо видѣть позу Никколи, его голодные глаза, его юродныя руки, жадно тянущіяся къ супу. Онъ чуть-чуть пододвигаетъ свой стаканъ, намекая на вино, онъ съ грустью смотритъ, какъ слуга уноситъ блюдо,—все это Никколи продѣлываетъ какъ фарсъ, публика хохочетъ, и въ то же время безконечно жалѣетъ этого бѣдняка.

Могу увѣрить, что вы чувствуете въ этотъ моментъ величайшее искусство, чувствуете актера, захвачены имъ всецѣло, смѣтаетесь *ею* смѣхомъ, плачете *ею* слезами, и вѣрите Несчастливцеву, который плакалъ надъ бѣдной Офеліей, и любилъ ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ.

Въ той-же сценѣ, за столомъ, Никколи рассказываетъ пріютившему его меценату свою печальную жизнь, опять-таки почти не усиливая тона, внѣшне спокойно, и итальянская публика, за секунду хохотавшая, вздыхаетъ и шепчетъ актеру сочувственно: *рогеро, рогеро!* А въ сценѣ, когда онъ узнаетъ, что этотъ меценатъ, богачъ—его братъ, давно забытый и потерявшійся—слезы мѣшаютъ Никколи говорить, онъ какъ-то странно дышитъ, хлопаетъ брата по плечу, нѣжно гладитъ его руки, и наконецъ съ безмолвнымъ рыданіемъ обнимаетъ его, и то жалобно застонетъ, то тихо засмѣется счастливымъ смѣхомъ... Здѣсь Никколи вырастаетъ до уровня величайшихъ трагиковъ; весь залъ взволнованъ, никто не апплодируетъ, не шепчетъ. Нѣмая тишина. Слышу кто-то плачетъ; оборачиваюсь: въ ложѣ всхлипываетъ мужчина, за нимъ другой, третій!

При этомъ Никколи—грубый талантъ;—онъ гениленъ, но грубъ. Онъ знаетъ свою публику, и не отпустить ее подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, и потому въ концѣ акта, когда разыгрывается жесточайшая драма, невѣста и дочь его брата падаютъ въ обморокъ къ нему на руки, Никколи не можетъ удержаться отъ фарса, и падаетъ съ обѣими дамами на полъ, что вызываетъ гомерическій хохотъ зала. Конечно, это очень досадно, и много можно сказать на тему о томъ, что Никколи, при его генильности, могъ-бы вести публику за собой, а не потакать ея дурнымъ инстинктамъ, что онъ долженъ держаться иного репертуара и т. д.

Но я говорю только о генильномъ артистѣ, выступающемъ въ ординарной, даже скверной пьесѣ, на убогой сценѣ, въ примитивной обстановкѣ, и провѣряю цѣнность *актера*, его удѣльный вѣсъ.

Мнѣ могутъ возразить, что игра актера, его значеніе выиграли бы при лучшемъ репертуарѣ, и въ соответственной обстановкѣ...

Однако игра *какого* актера выиграла-бы?

Такого, какъ Никколи? Но когда онъ на сценѣ, въ все равно не замѣтите ни обстановки, ни декорации, какъ и того, что въ залѣ курятъ и пьютъ пиво.

Я сказалъ выше, что пьеса была наивная мелодрама, лишенная всякихъ достоинствъ.

И однако публика эти два съ половиною часа въ театрѣ жила, волновалась, плакала, смѣялась, сливалась во едино со сценой, думала, мыслила, и навѣрное, выходя изъ театра, была еще вся охвачена настроеніемъ. Публика жила въ театрѣ полной жизнью, даже до курьеза. Въ послѣднемъ актѣ напимѣрь, когда злодѣй вырвалъ изъ рукъ своей жертвы важныя бумаги, публика кричала: «не давай, не давай», ругала его мерзавцемъ, подлецомъ, а сидящіе въ ложахъ на авансценѣ даже замахивались на актера палками.

Конечно, эти крайнія увлеченія надо отнести за счетъ южнаго темперамента, но вообще, на протяженіи всего спектакля, я ни на секунду не видѣлъ равнодушнаго или скучающаго лица. Всѣ помыслы, вся душа зрителей была на сценѣ, особенно когда тамъ находился Никколи.

Я не сдумалъ здѣсь, конечно, передать полностью впечатлѣніе отъ Никколи; нужно его слышать, нужно видѣть выраженіе его одухотвореннаго лица, его говорящіе глаза, его еле-уловимую жестикуляцію, дѣйствующую сильнѣе словъ. Нужно самому видѣть этого генильнаго актера, претворившаго фарсъ въ торжество юмора, и поднявшаго смѣхъ на недостижимую высоту; этого актера, изумительно воплощающаго трагедію въ скорбныхъ тихихъ аккордахъ, одномъ лишь грустномъ взглядѣ, печальномъ жестѣ...

Нужно видѣть Андреа Никколи, чтобы почувствовать и понять настоящее значеніе театра, искусства, и оцѣнить значеніе и роль актера.

А. Долиновъ.

Театръ Лит.-Худ.
Общ.

По театрамъ.

„Казенная квартира“.
Курьеръ (г. Zubovъ).

Первая новинка сезона — „Казенная квартира“ В. А. Рышкова. Это — веселая комедія, безъ особенныхъ претензій, но очень сценичная и живая, съ юморомъ и наблюдательностью. В. А. Рышковъ — честный, правдивый и работающий писатель.

Онъ сравнительно недавно появился на поприщѣ драматурга, не предшествуемый и не сопровождаемый никакими рекламами и знаменосцами. Писалъ изъ того круга наблюдений, которые имѣлъ предъ собой, и развивалъ идеи, которыя вполнѣ чувствовалъ. Благодаря этому, въ противоположность многимъ другимъ своимъ сверстникамъ, онъ съ каждой новой своей пьесой — по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ — совершенствовался, и дай Богъ, чтобы такъ было и впредь. Его „Первая ласточка“ лучше „Барыни“, „Склепъ“ лучше „Первой ласточки“, „Волна“ значительно „Склепа“, а „Казенная квартира“ ярче „Волны“. Чувствуешь, что пишется ему все какъ-то легче и вольготнѣе, и мнѣ думается, что В. А. Рышковъ, если не свернетъ съ своей дороги, имѣетъ предъ собой въ будущемъ еще большіе успѣхи.

В. А. Рышковъ для меня въ настоящее время интересенъ именно этой своей стороной — вѣрностью самому себѣ. Его пьесамъ, напримѣръ, можно поставить въ упрекъ, что въ нихъ нѣтъ особенной „глубины“, что захватъ наблюдений не взрываетъ „новыя плугомъ“. Можетъ быть, но, „глубина“, которую берутъ на прокатъ изъ „идейнаго“ журнала, — собственно какая-же глубина?

Большую часть дарованій губить именно желаніе какъ можно скорѣе попасть въ Ибсены, а не въ Ибсены, такъ хоть въ Метерлинки, а не въ Метерлинки, такъ хоть въ Чеховы. Пристаютъ и пріятели, и умные т. е. съ философскимъ складомъ ума критики, и „серьезные“ театры, которымъ никакъ невозможно безъ туману, потому что иначе сейчасъ разберутъ, что вздоръ.

И вотъ люди пыжатыся, вытягиваются, становятся на ципочки, стараются взять какой-то чрезвычайно высокой ut-diées, при этомъ срываются, падаютъ, и каждое новое ихъ произведение производитъ впечатлѣніе какой-то насады, съезженности, ужимки, фиглярства... Свѣжесть дарованія пропадаетъ какъ румянецъ молодости, и становится, что-бы ни писали въ своихъ философическихъ фіоритурахъ гг. умные критики, просто скучно.

Я говорю, что до сихъ поръ (объ одномъ маленькомъ исключеніи скажу ниже) я этого за г. Рышковымъ не замѣчалъ. Какъ просто и непринужденно держатъ себя иные люди, такъ просто и непринужденно пишутъ иные авторы, и если ихъ произведенія растутъ, то потому, что и авторы растутъ вмѣстѣ съ ними, а не потому, что авторъ сначала взялъ какое-нибудь „ре“, а потомъ захотѣлъ взять „до“. Нѣтъ, такъ „захотѣть“ нельзя. И „ре“ онъ взялъ не случайно, а потому, что таковъ діапазонъ его естественнаго дарованія. Постепенно, по мѣрѣ роста дарованія, онъ можетъ быть, возьметъ и „до“, но ужъ тогда онъ не въ состояніи будетъ взять „ре“, ибо переросъ его.

В. А. Рышковъ остается вѣренъ себѣ, и въ этомъ причина того, что какъ драматургъ, онъ не теряетъ, а пріобрѣтаетъ интересъ.

Ну, конечно, „Казенная квартира“ — комедія, написанная на тему далеко не новую, очень использованную, (в ней можно кое что найти и отъ Потъхина, и отъ Величко („Первая муха“), — эту граціозную комедію приписываютъ почему то Крылову), и коли хотите, даже отъ Соловьѣва и Островскаго („Доходное мѣсто“). Авторъ не открываетъ никакихъ „новыхъ словъ“, но рисуется хорошо ему знакомую среду департаментскихъ канцелярій, и здѣсь обнаруживаетъ много изобрѣтательности и юмора. Онъ остается веселымъ жанристомъ, и обобщеніе, тенденція, „идея“ пьесы у него именно такія, какъ его художественное поле зрѣнія — не шире и не уже, — и оттого во всей пьесѣ есть гармонія внутренняго соответствія формы и содержанія. „Казенная квартира“ — идеаль пetersбургскаго чиновника. Она переходитъ, можно сказать, изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ приходъ попа, и идетъ въ приданое. Когда я смотрѣлъ пьесу и слѣдилъ за этой охотой за „Казенной квартирой“, и пріемами ловкой барышни, которая

своимъ замужествомъ, то выселяетъ изъ квартиры, то вселяетъ въ квартиру, то подумалъ о томъ, что какой, напримѣръ, соблазнительный символъ — показать, что для дѣвушки извѣстнаго круга и извѣстнаго воспитанія, выйти замужъ, значить — тоже получить казенную квартиру, устроившись по примѣру предковъ и достигнувъ уже, такъ сказать, идеала безмятежнаго благополучія. Мужъ — такая-же казенная квартира, а жена при немъ — нѣчто вродѣ чиновника.

Тепло, сытно, и о большемъ уже не безпокойся.

Другой-бы драматургъ отъ этого соблазна, который самъ собою напрашивался, никакъ-бы не удержался. Вышло-бы „феминистично“, съ монологомъ подъ завѣсъ и съ „символическою“ загвоздкою. А вотъ В. А. Рышковъ не соблазнился. Онъ и вообще-то по сторонамъ не глядитъ: не нова, не сложна идея, но уже она вся тутъ. Авторъ, какъ видите, идетъ въ свой собственный ростъ, оставаясь самимъ собою, человѣкомъ, съ которымъ чувствуешь себя поэтому легко, непринужденно, запросто. Отсюда грація впечатлѣнія — сказалъ-бы я — и за нею именно публика такъ единодушно вызывала автора. Сдѣлаю, однако, два замѣчанія В. А. Рышкову. Хорошо-ли, что онъ заимствуетъ у водевилльныхъ дѣлъ мастеровъ для каждаго почти дѣйствующаго лица свою особую присказку: у одного „а?“, у другого „чорта лысаго“, у третьяго „колоссально“ и пр. Второе — не выдумалъ-ли изъ головы, „по рецепту“, В. А. Рышковъ свою Таню, дочь стараго чиновника, котораго выселяютъ? Вотъ тутъ какъ будто В. А. Рышковъ словно себя подмѣнилъ, хотѣлъ что-то сказать не отъ себя; вышло лицо надуманное и скучноватое, пахнущее мелодрамой. Лицо взято не изъ круга наблюдений, да и не изъ круга идей, которыя въ это время волновали и интересовали автора. Не хотѣлъ-ли здѣсь г. Рышковъ показаться „глубже“? Мнѣ кажется, что такой грѣшокъ есть. Но для г. Рышкова это случайность, и до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ писать, какъ пишется, — его дальнѣйшее развитіе обезпечено.

Я не пишу рецензію о „Казенной квартирѣ“. Таковую рецензію можетъ быть кто-нибудь другой напишетъ. Можно многое сказать про достоинства и недостатки „Казенной квартиры“, на тему о томъ, почему I актъ такъ хорошо сдѣланъ, а 4-й — развязка — далеко не такъ, какъ 1-й и пр. Но сейчасъ я о другомъ — о необходимости быть самимъ собой, безъ потугъ на „чрезвычайное“ и безъ фальшивой „глубины“.

Это относится столько же къ авторамъ, сколько и къ актерамъ.

Стараніе показать, якобы фиговое дерево изъ лба произрастаетъ, есть главная причина гибели талантовъ. Ну, вотъ въ описываемомъ спектаклѣ г-жа Кирова, молодая еще сравнительно артистка, съ большими задатками, прямо скажу, съ истиннымъ дарованіемъ, играла такъ Таню, что прямо больно было смотрѣть на нее. Все отношеніе къ роли, и пріемъ игры были именно нехудожественны. Артистка не задала себѣ вопроса: что жизненнаго, реальнаго, живого она даетъ въ Танѣ, т. е. не отвѣтила себѣ на первое, что нужно актеру: каковъ человѣкъ? Когда актеръ представляетъ себѣ, каковъ человѣкъ, онъ находитъ точчасъ „общій“ тонъ роли, а не играетъ отдѣльные сценки, слова и предложенія. Но еще хуже, чѣмъ это, то, что г-жа Кирова старалась казаться страшно глубоко чувствующею, а вѣдь извѣстно, что съ тѣхъ поръ, какъ появилась г-жа Коммисаржевская, „глубина“ чувства не иначе выражается, какъ „западающими“ въ себя вдыхаемыми звуками и бессмысленною разбивкою словъ предложенія бессмысленными паузами, сопровождаемыми вращеніемъ глазъ. Что г-жа Кирова и продѣлывала. Это была самая обыкновенная театральщина, которая съѣстъ дарованіе г-жи Кировой, такое яркое и свѣжее, въ одинъ — два сезона — безъ остатка.

И про г-жу Рошину-Инсарову, изысканное дарованіе которое я столько разъ отмѣчалъ, скажу, что играла она „по гастролерски“ — не цѣлое лицо, а сценочки. Это не трудно — такъ играть, — и благодарно. Но это самоубійство для актера. Вѣроятно, все это уже говорилъ Н. Н. Арбатовъ (не можетъ быть, чтобы режиссеръ этого не говорилъ!), но ужъ пришлось къ слову, такъ сказать и я.

Играетъ хорошо — не для публики, а для себя, для своего дарованія, для своего будущаго — тотъ, кто играетъ въ мѣру своего чувства, въ мѣру своего юмора, въ мѣру своего ума... Тогда онъ вырабатываетъ истинную технику, и гибкость его дарованія не пропа-

Театръ Лит.-Худ.
Общ.

„Казенная квартира“.
Докукинъ (г. Шумскій).

ТЕАТРЪ ЛИТ.-ХУДОЖ. ОБЩ.

„Казенная квартира“.
Генераль (г. Нерадовскій).

даеть, но обезпечиваетъ безконечное совершенствованіе. Такъ нужно играть, — такъ нужно и писать...

Рецензіи такъ и не вышло. Что дѣлать? Скажу ужъ наскоро, что играли хорошо—чего лучше?—но, за немногими исключениями рѣзко, фигурами, такъ сказать, прямолинейно геометрическими. Это, конечно, очень общедоступное искусство, начало коему положилъ г. Станиславскій, назвавшій впрочемъ, и свой театръ—„Общедоступно-Художественный“. Въ искусствѣ—все мягкость, все полутонъ... Общедоступныя же характеристики со сцены очень ясны, но напоминаютъ плохонькаго караса въ сметанѣ—столько въ немъ костей...

Г. Арбатовъ былъ неистощимъ въ изобрѣтательности своей, и сочинилъ эпизоды, которые точно, вызываютъ самый искренній смѣхъ.
Ното Novus.

Изъ Москвы.

Этимъ лѣтомъ я смотрѣлъ въ неаполитанскомъ Санъ-Карло «Корабль» Д'Аннунціо.

Спектаклю была придана («Корабль» исполнялся въ Неаполѣ въ этотъ вечеръ впервые) большая торжественность. Ждали Д'Аннунціо, но онъ наканунѣ у себя на виллѣ вывихнулъ ногу и не пріѣхалъ. Колоссальная зрительная зала, несмотря на болѣе чѣмъ утроенныя цѣны, была переполнена и щеголяла туалетами дамъ. Собрался весь умственный и денежный цвѣтъ Неаполя—привѣтствовать эпопею зарождающейся на кораблѣ Венеціи. Нѣкоторые монологи, въ которыхъ Италіи пророчилось славное грядущее, прерывались апплодисментами. Послѣ каждаго акта пробовали вызывать автора. По всему было видно, что авторъ—въ большемъ почетѣ.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось бесѣдовать съ одной русской артисткой. Она уже нѣсколько лѣтъ живетъ безвыѣздно въ Италіи.

— Да, конечно,—сказала она,—Д'Аннунціо въ почетѣ. Его здѣсь уважаютъ. Но, знаете,—его не любятъ. Особенно не любятъ актеры.

Я вспомнилъ эту фразу на спектаклѣ «Франчески-да-Рамини» въ Маломъ театрѣ. Это правда, актеры должны не любить Д'Аннунціо. Русскіе актеры никогда его не полюбятъ.

Д'Аннунціо всегда даетъ очень красивую затѣйливую оболочку но никогда—душу. Ему живописность дороже движеній живого чувства. Онъ—холодный виртуозъ, но не взволнованный творецъ. Онъ не умѣетъ увлечь и мѣшаетъ актерамъ увлечься и увлечь.

Ему нравится Франческа, размахивающая на башнѣ греческимъ огнемъ. Ему нравится Базиліола, разстрѣливающая изъ лука толпу голодныхъ плѣнныхъ въ ямѣ. Надо, играя, все время думать объ этой изысканности.

Вѣроятно, у Дузэ хватало генія и искусства, чтобы, не порвавъ тонко вытканнаго Д'Аннунціо кружева, все-таки показать черезъ нихъ свое большее, живое сердце. Но Дузэ—одна. Да и съ нею—свидѣтельство въ своемъ предисловіи къ переводу «Франчески». Валерій Брюсовъ,—эта трагедія не имѣла очень большого, жаркаго успѣха. Какъ

могла-бы она имѣть значительный успѣхъ въ исполненіи актрисы талантливой, но бѣдной техникою, бѣдной гибкостью, которой привлекательность пока только въ умѣннн ярко загораться простыми, запутанными чувствами?

А такова г-жа Пашенная, которой въ Москвѣ поручили играть Франческу. Я, если вспомнить читатель, въ прошломъ сезонѣ съ радостью отмѣтилъ въ «Театрѣ и Искусствѣ» появленіе этого молодого дарованія.

Г-жа Пашенная выростетъ, если ей не стануть вредить неумѣлымъ и неосторожнымъ обращеніемъ въ настоящую артистку. И именно потому не надо бы давать ей такія непосильныя задачи.

Лучшее въ г-жѣ Пашенной—непосредственность умѣннн жить на театрѣ. Ея жизнь заразительна ея чувства передаются. Во Франческѣ нельзя быть непосредственной, опасно раскрывать встревоженную души. Это ломаетъ хрупкій образъ автора. Къ Франческѣ надо подходить иначе, съ мастерствомъ не съ нервами. Здѣсь нуженъ не голубь, а мудрый змій.

Актриса-змій привлекла-бы вниманіе, была-бы съ холодкомъ, но интересна. Зритель ходитъ въ театръ меньше всего за тѣмъ, чтобы холодно любоваться красотой формъ. Онъ тоскуетъ по живымъ трепетамъ, по лирикѣ чувствъ, по экстазу страстей.

Но ужъ если этого нѣтъ, пусть хоть форма будетъ достойна любованія...

Давъ г-жѣ Пашенной неподходящее дѣло, требующее того, чего у нея нѣтъ, отвергающее то, что въ ней есть, — ей указали бы невѣрное направленіе. Пьеса Д'Аннунціо—трагедія, со всѣми страшными атрибутами. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что надо сразу нырнуть съ головою въ трагизмъ, съ первой-же ноты взять густо-трагическій тонъ, наполнить глаза безнадежностью отчаянія, вытянуть патетически правую руку и такъ въ этой маскѣ трагическаго, пройти тяжелыми стопами изъ одного конца роли въ другой.

Франческа г-жи Пашенной является глазамъ зрителя уже такою, какою надлежало-бы ей быть въ четвертомъ, въ пятомъ актахъ, когда трагедія уже распростретъ свои черныя крылья, и Франческою пройдетъ кругъ ея желѣзнаго предначертанія. Этимъ исполнительница предвосхищала мрачную силу конца роли, притупивъ къ нему восприимчивость вмѣстѣ, совершенно искажала начало. Потому что Франческа до брака въ отчемъ домѣ да Полента,—другая. Еще не опаленная грѣхомъ любви къ деверю, Франческа тутъ не только на десять тяжкихъ лѣтъ моложе, но и безотносительно юна, во всѣмъ цвѣтѣ юности. И весь строй души у нея долженъ быть дѣвичій, весенній, озаренный, отрадно-встревоженный. У нея не можетъ быть густыхъ тѣней подъ глазами и тоски, отчаянія въ глазахъ, интонацій Электры.

Ея тревога, ея печали—весеннія, легкія. Ея слезы—какъ серебристыя росы. Онѣ не падаютъ жгущими, свинцовыми каплями.

Самый капризный у автора актъ—второй. Тутъ Франческу—уже много перетерпѣвшую, покорившуюся въ ненавистныхъ объятіяхъ стараго рубаки.

Авторъ проводитъ черезъ пеструю смѣну чувствъ. И удалъ безнадежности, и женская гордость, и страхъ религіозный, и искры любви, которые надо тушить, потому-что онѣ—грѣхъ. Я говорю, Д'Аннунціо никогда не трогаетъ родниковъ, гдѣ рождаются могучія чувства. Но по поверхности ходитъ много красиваго и въ интересной смѣнѣ. Тутъ—просторъ виртуозу сцены.

И все это — на грозномъ фонѣ средневѣковой войны, подъ пожары отъ греческихъ огней, подъ грузный гулъ баллиствъ, подъ крики пронзаемыхъ глотокъ. Г-жа Пашенная могла принести только подъемъ непосредственного, однообразно выражаемаго чувства. Оно было искреннее, оно звучало въ сильномъ красивомъ голосѣ. Но оно не играло тѣмъ множествомъ граней, которая отшлифовалъ авторъ.

Какъ не удался Малому театру фонъ! Не чувствовало, что это — на башнѣ, что это — война, жестокая, средневѣковая... Былъ казенный шумъ театральной парадной сцены. И была видна вся ея живая механика, жидкій бенгальскій огонь. То-же, впрочемъ, относится и ко всей постановкѣ пьесы. Иногда было театрально-красиво. Мраморъ колоннъ, красныя розы, поднимающіяся на длинныхъ стебляхъ изъ старинной гробницы, лягъ мечей, звонъ щитовъ, пестрота шелковъ и парчи. Вѣроятно, это было даже съ подлиннымъ вѣрно, по какъ-нибудь старымъ гравюрамъ и указаніямъ специалистовъ мертвой древности.

Но все это было только маленькое мейнингенство. Но это годилось для «Гугенотъ». Теперь входитъ въ моду играть, вмѣсто декораций, въ драпировкахъ. Да сколько угодно! Только сосредоточьте душу и колоритъ мѣста и времени въ лицахъ, въ особой музыкѣ ихъ рѣчи, въ особомъ строѣ ихъ жестовъ. Въ звуковомъ выраженіи пьесы на Малой сценѣ не было ни Италіи, ни тринадцатаго вѣка, не было тѣхъ чувствъ, которыми жило время Полента и Малатеста.

Вотъ мелочь, которая много доказываетъ. Въ пьесѣ есть рабыня Смарагда. Образъ жуткій, таинственный, весь пропитанный суевѣріями вѣка, съ закланіями и ворожбой на тонкихъ вздрагивающихъ губахъ, съ темными огнями въ глазахъ. Я вижу ее, эту кипрютку Смарагду, тонкую, длинную, изсушенное лихорадкою лицо, прямыми складками падаютъ бѣлыя одежды. Это — не только красивый образъ. Это — важная часть въ картинѣ. Она могла бы много помочь колоритности и настроенію цѣлаго. Но по сценѣ бѣгала довольно полная женщина, съ весело вздернутымъ носикомъ, съ подоткнутыми юбками. Такъ, вродѣ грибоѣдовской Лизы, только съ шоколаднымъ лицомъ. Это — частности, я понимаю. Можно, въ большой работѣ, и просмотрѣть. Я только это и говорю. Было просмотрѣно то, что характерно, что способно сложиться въ сценическую характеристику эпохи, атмосферы дѣйствія трагедіи.

И случилось это, я думаю, потому, что Д'Аннунціо нисколько не воспламенилъ воображенія ставившихъ. Обратили бы вниманіе и на тѣ алыя цвѣты, что вырастаютъ изъ земли, напившейся человѣчьей крови. Когда Франческо протягиваетъ ихъ Паоло, при первой встрѣчѣ, они были бы какъ символъ и пророчество смерти. Это ухищреніе? Несомнѣнно. Но такъ пишетъ, такъ выражаетъ всѣ свои замыслы Д'Аннунціо. И такъ нужно его воспроизводить. Иначе его трагедія просто банальна и пуста.

Г-жа Пашенная съ большою взволнованностью ведетъ лучшую у Д'Аннунціо сцену, — ту, о которой сама Франческа такъ безхитростно-трогательно рассказываетъ у Данте:

„Однажды мы вдвоемъ, для развлеченья,
„Какъ предъ любовью Ланчелоттъ поникъ,
„Читали“...

Всѣ знаютъ конецъ, знаменитый вѣкапережившій стихъ:

„Въ тотъ день мы дальше не читали тамъ“.

Сцена эта полна поэзіи, когда надъ большими листами повѣсти о Ланчелоттѣ склоняются и двѣ юныя, прекрасныя головы, и губы приоткаютъ къ губамъ въ первомъ поцѣлуѣ.

Но г-жа Пашенная и тутъ была во власти трагического. А г. Остужевъ-Паоло былъ въ ней только красивъ лицомъ.

Увы, когда Джанчотто Хромой взмахнулъ мечемъ и разсѣкъ прекрасную грудь и убилъ жизнь, которая была такъ чужая этому жестокому, грубому вѣку, — не стало страшно, не стало больно. Это только конецъ спектакля, къ которому живо и интересно кончился много раньше.

Н. Эфросъ.

Новыя изданія „Театра и Искусства“.

„Дуракъ“, комедія въ 5 д. Л. Фульда, пер. Е. Кугель. Новая комедія Фульда отличается обычными свойствами этого писателя: юморомъ, сценичностью, обиліемъ дѣйствія. Не задаваясь глубиною темъ, авторъ даетъ рядъ забавныхъ сценочекъ, выхваченныхъ изъ жизни и трактуетъ ихъ съ тонкимъ юморомъ, иногда съ наклономъ къ шаржу. Его манера напоминаетъ манеру Диккенса. Дуракъ — человекъ не отъ міра сего, получившій громадное наслѣдство, распорядившійся имъ по своимъ „дурацкимъ“ воззрѣніямъ и въ концѣ-концовъ едва не попавшій въ сумасшедшій домъ стараніями благодѣтельствованныхъ имъ родственниковъ. Большинство ролей благодарны для исполнителей. Ролей — 9 мужскихъ и 5 женскихъ. Декорации 3: кабинетъ въ зданіи суда; гостинная въ пансіонѣ г-жи Ширмеръ и веранда въ санаторіи д-ра Тилинуса. Костюмы и обстановка современные, послѣдняя въ 4 актѣ съ пошибомъ декадентства. Главная роль Юста — героя комедіи — трудна тѣмъ, что ее легко переиграть въ дурную сторону. Героиня имѣетъ возможность блеснуть туалетами. Очень благодарна роль доктора для актера на амплуа благороднаго отца. Характерны роли родственниковъ молодыхъ людей: пройдохи адвоката, неудачника поэта, изобрѣтателя инженера. Остальныя роли второстепенныя. Изъ женскихъ ролей, кромѣ героини, роли комич. старухи, инженерю-комикъ и грандь-кокеттъ даютъ интересный матеріалъ для актрисъ. Въ общемъ комедія должна смотреться легко; впрочемъ не мѣшаетъ кое-гдѣ слегка поработать режиссерскому карандашу; при постановкѣ же другого дѣла режиссеру мало: роли говорятъ сами за себя.

„Слово“ (Жизнь достанетъ) пьеса въ 4 д. В. Тиханова. Веселая комедія безъ претензій. Нѣсколько типичныхъ, интересныхъ для актера ролей. Декорации несложныя: павильонъ, садъ — 2 декорации. Изображается въ пьесѣ современная жизнь маленькаго уѣзднаго города. Ролей — 8 мужскихъ, 7 женскихъ. Роль поэта-декадента для актера съ гардеробомъ; очень интересна роль доктора для резонера или комика-резонера. Изъ женскихъ ролей содержательна роль пройдохи экономки, которая будетъ оригинальна и много выиграетъ, если ее будетъ играть характерная актриса съ темпераментомъ, а не комическая старуха, какъ обыкновенно раздаются роли по старымъ традиціямъ. Трудная роль мальчика гимназиста. Въ пьесѣ много шума, дѣйствія и жѣлд., много работъ режиссеру.

„Дѣти“, пьеса въ 4 д. Н. Жуковской. Читается съ интересомъ и такова же должна быть на сценѣ, если не будетъ испорчена шаблонной игрой исполнителей. Немного портитъ впечатлѣніе конецъ, ибо выстрѣлъ въ себя не есть разрѣшеніе наболѣвшаго, жгучаго, общественнаго вопроса. 3 актъ въ одной декорации, гостинная-кабинетъ въ богатой квартирѣ профессора... Можно дать стильную обстановку. Одинъ актъ въ общей столовой большаго пансіона въ Финляндіи у Иматры. Превосходныя роли дѣтей Юлика, 17 лѣтняго гимназиста и Толи 15-лѣтней гимназистки. Есть оригинальныя черты и въ другихъ роляхъ. Всѣхъ ролей 15, мужскихъ 11, женскихъ 4. Костюмы современные, постановка несложная.

Литературальная летопись.

ПЕРМЬ. Товариществомъ опереточныхъ артистовъ подъ управленіемъ А. А. Тони дано здѣсь 23 и 24 августа два спектакля. Было поставлено „Ночь любви“ и „Веселая вдова“. Сборы на обоихъ спектакляхъ были полные. Правда, помѣщеніе лѣтняго клуба очень не велико, а зимній театръ все еще ремонтируется, все же труппа взяла чистыхъ около 600 р. То-

варищество ставить спектакли свои безъ оркестра и почти безъ мужского хора. Аккомпанируетъ роль и одна скрипка. Товарищество прибыло въ Пермь съ низовьевъ Камы и уѣхало въ Вятку, Вологду и Архангельскъ. Въ этихъ городахъ, какъ и тѣхъ, которые оно проехало, она дасть и давало не больше 2—3 спектаклей. Труппа состоитъ изъ г-жъ Антоновой, Аркадиной, Марченко и Мирошниковой и гг. Беккера и Никольскаго-Франкъ, Орлицкаго, Калитина, Рославлева, Соболева и Шульгина.

Въ материальномъ отношеніи товарищество это дѣлаетъ на рѣдкость хорошія дѣла: всѣ получаютъ на марку на кругъ около двухъ рублей.

Что дасть на зиму Перми А. А. Левицкій, культивирующій, какъ слышно, съ большимъ успѣхомъ оперетку въ Москвѣ, Нижнемъ и Казани, ничего здѣсь не извѣстно пока, хотя до открытія сезона осталось очень немного времени. Намъ кажется, что г. Л. напрасно оставляетъ безъ должнаго вниманія зимнее дѣло свое въ Перми и Екатеринбургѣ: эти 2 города заслуживаютъ большаго вниманія.

З—ль.

НИКОЛАЕВЪ. Антреприза Н. Н. Михайловскаго. Сезонъ открывается 26-го сентября. Въ числѣ первыхъ спектаклей намѣчены: „Царь Θεодоръ Иоанновичъ“, „Одинокіе“, „Три сестры“, „Власть тьмы“ (спектакль въ честь Толстого), „На покое“, „Всѣхъ скорбящихъ“, „Орлеанская дѣва“, „Женитьба“ (для безплатныхъ утреннихъ спектаклей), „Электра“, „Привидѣнія“ и проч. Каждую недѣлю будутъ даваться спектакли по пониженнымъ „общедоступнымъ“ цѣнамъ. Черезъ каждыя двѣ недѣли предполагаются бесплатные утренники для учащихся съ рефератами о пьесѣ и авторѣ. Труппа уже сѣзжается. Въ составъ ея входятъ: г-жи Азерская, Бѣлозерская, Бѣльская, Волжская, Дубравина, Долина, Казанская, Корнева, Крыжова, Натанская, Роксанова, Рутковская, Самойлова, Степная, Ярославская; гг. Бордюговъ, Велижевъ, Коссаковский, Крыжовъ, Любошъ, Маловъ, Мальскій, Михайловскій, Муратовъ, Нелидовъ, Россинъ, Тихановъ, Харламовъ, Шмитъ, Юреневъ. Режиссеръ Шухминъ, помощникъ режиссера Крыжовъ, декораторъ Игнатевъ, суфлеръ Строгановъ.

БРЕСТЪ-ЛИТОВСКЪ. 16-го августа закончила лѣтній сезонъ драматическая труппа Б. В. Путьяты, прогостивъ у насъ три мѣсяца. Дѣла шли ровно и на отсутствіе сборовъ труппа жаловаться не могла—200 р. на кругъ. Всѣ актеры получали жалованье полнымъ рублемъ. Репертуаръ выдержанный.

Спектакли шли гладко съ хорошимъ ансамблемъ („Карьера Наблпокаго“, „Хорошенькая“, „Педагоги“, „Дѣльцы“ и др.), обставлялись всегда прилично и постановка была продуманная. Режиссерами были Ефимовъ-Борозлинъ и Е. Н. Озеровъ. Труппа небольшая была и нѣкоторымъ актерамъ приходилось всѣ репертуаръ выносить на своихъ плечахъ, но за то достаточно сильная. Минусъ труппы—отсутствіе героини и любовника-героя. А. Сумароковъ, игравшій весь сезонъ первыхъ любовниковъ, слишкомъ молодъ и малоопытенъ для этого амплуа. Хорошъ онъ былъ въ легкой комедіи и въ фарсѣ.

Заслуживаетъ быть отмѣченной по своему несомнѣнному дарованію, позызовавшаяся наибольшимъ успѣхомъ, Н. В. Лядова (ingénue comique), также и хорошая ingénue dramatique, давшая цѣльный рядъ живыхъ интересныхъ образовъ (Вѣра—„Дѣльцы“, Саша—„Хорошенькая“ и др.). Очень полезная и способная кокетъ Юрцова. Недурная грандъ-дамъ Е. Левандовская. Отличная живая и разнообразная комическая старуха Е. А. Озерова. Трефилова-Сумарокова—молодая, но старательная актриса.

Изъ мужского персонала на первое мѣсто слѣдуетъ поставить Б. В. Путьяту. Это живой, разнообразный съ крупнымъ дарованіемъ актеръ (фатъ). Душа всей труппы. Пользовался большими симпатіями у мѣстной публики, что проявилось на бенефисѣ его („Гувернеръ“) въ массѣ цвѣточныхъ и цѣнныхъ подношеній. Лучшія его роли: Бѣльскій въ „Дѣльцахъ“, Наблпоцкій, „Гувернеръ“ и мн. др. В. А. Ермоловъ-Бороздинъ не только какъ режиссеръ, но и какъ артистъ выказалъ себя значительной силой. Дать цѣлый рядъ живыхъ типовъ (Свенгали, Каренинъ, Штокманъ, Рожновъ и т. п.). Живо даровитый комикъ Успенскій. Чаровъ—недурный простакъ, но часто утрируетъ. Очень старательный и полезный актеръ Уваровъ. Былъ еще Стрѣльскій, молодой, недурный актеръ. Остальные работали на совѣсть и ансамбля не портили.

Въ концѣ мая дала нѣсколько спектаклей оперная труппа А. С. Кастаньяка. Поставлены были „Демонъ“, „Пиковая дама“ и „Евгеній Онѣгинъ“. Капельмейстеромъ былъ С. М. Суходревъ, а режиссеромъ Н. А. Воскресенскій. Хоры были незначительные и безъ звучныхъ голосовъ. Сборы были однако недурные.

Съ 15 по 29 іюня играла украинская труппа Д. А. Гайдамака съ Ю. С. Шостаковской и Е. П. Ратмировой во главѣ. Поставлены были: „Запорожець за Дунаемъ“, „Маруся Богуславка“, „Наталка Полтавка“, „Кума Марта“, „Шельменко-денщикъ“, „Гейша“, „Вій“, „Зѣ пидъ вінца въ труну“, „Маты Наймычка“, „Нахмарыло“, „Запорожскій кладъ“, „Така іи доля“, „Кумъ Мырошникъ“ и „Гальяка“. За 2 недѣли взято было около 4 тысячъ рублей.

III. . . . .скій.

ТЮМЕНЬ. За послѣднее время по Уралу и Зауралью дѣлаетъ концертное турнѣ и безызвѣстный и талантливый пианистъ В. Н. Гартвельдъ. Въ Тюмени концертъ его состоялся 22-го августа и имѣлъ полный успѣхъ, чему не мало способствовало то обстоятельство, что концертантъ въ 1-омъ отд. прочелъ лекцію, въ которой охарактеризовалъ знаменитыхъ пианистовъ-композиторовъ: Листа (вѣрнѣе—Лишта), Мендельсона, Сенъ-Санса, Рубинштейна и Чайковскаго.

Въ аудиторіи народнаго дома (недавно открытаго) часто устраиваются спектакли профессиональными артистами—гг. Барятинскимъ, Хохловымъ, Проневичемъ и г-жей Черновой—при участіи любителей.

Спектакли проходятъ, конечно, далеко небезукоризненно и посѣщаются не особенно сильно.

Театръ А. И. Текутьева на предстоящій зимній сезонъ занятъ труппою драматическихъ артистовъ антрепризы С. З. Ковалева.

Открытіе ожидается 1-го октября. Репертуаръ и составъ труппы пока неизвѣстны.

К. Ж—въ.

Репертуаръ Императорскихъ театровъ.

съ 8 по 15 сентября.

Въ Александринскомъ театрѣ. 8-го „Плоды просвѣщенія“, 9-го „Поздняя любовь“, „Свадьба“, 10-го „Ревизоръ“, 11-го „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, 12-го „Поздняя любовь“, „Свадьба“.

Въ Маринскомъ театрѣ. 8-го „Лакмъ“, 9-го „Наль и Дамаянти“, 10-го „Донъ-Кихотъ“, бал. 11-го „Жизнь за Царя“, 12-го „Пиковая дама“.

Редакторъ О. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

НОВИНКИ СЕЗОНА:

а) Разрѣш. 31 Іюля, 1908 г. Повсемѣстно:

— „ВЪ СЫ“ —

Др. по ром. О. Достоевскаго въ 5 д., пер. П. Р—скаго. (Обстановка—2 коми и садъ; ролей—10 м. и 6 ж.).

б) Безусловно разр. („Пр. В.“ № 125, 903 г.):

„СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА“.

Др. въ 3 д. гр. Л. Н. Толстого. (Одна обстановка въ бенеф. зглав. ролью).

в) Драма С. Гусева-Оренбургскаго:

„СУДЬ“ . (Картина жизни).

г) Драма М. Горькаго:

„БЫВШІЕ ЛЮДИ“ . (Изгой ж.).

Въ 4 д. и одной обстановкѣ.

Получать отъ: П. А. Ростовскаго (Саратовъ, Дворянскаго, 42.—Копторы Театръ и Искусство—Соколовой М. А. (Москва).

Сочиненіе В. И. Мезенцова:

ДОЛЯ

или

Сибирская глушь

Драма изъ жизни рабочихъ на золотыхъ приискахъ Сибирской тайги, въ 4 д. и 5 карт. цѣна 1 рубль.

къ представл. дозвол. „Прав. Вѣст.“ 1905 г.

№ 276. Продается въ театр. библ. „С. О.

Разсохина“, въ Москвѣ. въ книжномъ маг.

„Трудъ“—въ Москвѣ и Петербургѣ; М. В.

Попова въ Петербургѣ; Ф. А. Югансона—

въ Кіевѣ, Харьковѣ и Петербургѣ;— П. И.

Макушина“ въ Томскѣ и Иркутскѣ;— П. П.

Литвинова— въ Новоиколаевскѣ Леви-

на— въ г. Омскѣ. Можно выписать наложечнымъ платежомъ, на пересылку прилаг.

3 семі к. марки.

6353

5—1